

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Октябрь 2009 г.
№ 10 (22)

В.К. АРСЕНЬЕВ

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ**
Юрий КАБАНКОВ (с. 6)

«РЕФОРМА»
Сергей АВИЛОВ
(с. 9)

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА
Анастасия КАРАВАЕВА
(с. 13)

ПРОЗА
Людмила БЕРЕСТОВА
(с. 20)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Утёс «Ласточкино гнездо», г. Хабаровск. Фото Ирины Банкрашковой

ПРОЗА
Жанна РАЙГОРОДСКАЯ
(с. 23)

ПОЭЗИЯ
Николай ЧАЙКА
(с. 25)

ПОЭЗИЯ
Симон СЛУЦКИН
(с. 28)

ПОЭЗИЯ
Вера КАРАМАН
(с. 31)

Коротко
о главном

Признаюсь, велико было искушение в очередной раз завести разговор о нелёгких издательских буднях. Однако сегодня я предлагаю вашему вниманию два наблюдения, заслуживающих, на мой взгляд, пристального внимания.

Стоит ли задуматься?

1.

В один из последних дней августа в вечернем эфире Российского радио транслировалась передача, в которой высокопоставленный чиновник министерства печати (не сомневаюсь – и грамотный, и титулованный) без тени иронии, кроме прочих, высказал мысль о том, что в наш скоростной век высоких технологий можно считать большим счастьем то, что россияне читают. И совсем не важно, что именно читают. Важен сам факт чтения.

2.

Дождливый сентябрьским утром довелось мне стать свидетелем обычной, казалось бы, жизненной ситуации. Молодая мать, красивая девушка в шикарном одеянии, вела сына в детский сад. За руку вела, что-то приговаривая на ходу. Умилительная картина...

Но что-то смутило меня во внешнем виде ребёнка. Внимательного взгляда оказалось достаточно – на голове мальчика «красовалась» вязаная шапочка, вдоль и поперёк вышитая пустоглазыми черепами.

Не китайского ли производства шапочка?

Владимир КОСТЫЛЕВ

P.S.

Итоги конкурса, посвященного Великой Отечественной войне, мы подведём в следующем номере.

ВНИМАНИЕ!

В редакцию «Литературного меридиана» пришло известие, что поэт Николай Чайка нуждается в дорогостоящей операции на сердце. Болезнь, как известно, не спрашивает разрешения войти в дом. Но мы очень надеемся, что среди читателей нашего издания найдутся люди, имеющие возможность оказать посильную материальную помощь.

Сообщаем банковские реквизиты, по которым можно отправить денежные средства:

Московская область, Рузское отделение Сбербанка
России № 2577/00005, ИНН 7707083893, БИК 044525225,
К/сч 30301810740006004037.

Счет № 42307.810.4.4037.0302906

Получатель: Чайка Николай Николаевич

Верша свои круги

Геннадий БОГДАНОВ

И всё-таки самое замечательное время года – это осень, особенно если светит солнце, по небу бегут лёгкие облака, а даль прозрачна и чиста. Чуть позже вспыхнут багрянцем кленовые листья, засыплет золотом листья бульвары и скверы. А пока осень только начинает проявлять себя ночной прохладой да богатым урожаем фруктов и овощей. Благодатная пора для творчества! И всё же осенняя лёгкая грусть охватывает душу – беспокоит и тревожит судьба нашей газеты. Вот оно, лицо пресловутого кризиса, – почти неразличимы стали фотографии на страницах «ЛитМ»... Всё же надеюсь, что с Божьей помощью мы переживём это трудное время и наша газета будет жить. Давайте все вместе подумаем, как выйти из создавшейся ситуации.

А сейчас, по давно сложившейся традиции, я последовательно начну свой краткий критический обзор поэтической рубрики свежего номера «ЛитМ».

Читая стихи **Адели Василь**, погружаешься в прекрасный мир настоящей поэзии. Само название первого стихотворения «Совёнок Луна» звучит необычно. Метафоричны три стихотворения: «Август», «Сентябрь» и «Октябрь». Интересно написано стихотворение «Старушка осень». Некоторый перебор образного ряда «В тихой заводи...». На мой взгляд, автор увлёкся витиеватым описанием, сравнивая внутренний мир человеческой души с природными явлениями.

Владимир Котик краток и точен в своих нерифмованных стихах. Несомненно, чувствуется влияние японской поэзии, да и сам автор говорит об этом:

*Редкое хайку обходится
Без упоминания о пионе...*

Смешанный лес. Окрестности с. Шекляево, Приморский край.

С интересом прочитал всю подборку и вдруг вспомнил своё, очень давнее, в шутку написанное стихотворение:

*Дождь медленно стекает
по лобовому стеклу –
В баке ни капли бензина...*

Из подборки **Василия Пономаренко** заслуживает внимания стихотворение «Заветный плод». Думаю, что кому-то понравятся и остальные короткие стихи заслуженного автора, но я не нашёл ничего необычного в этих строках.

Вот и в подборке **Владимира Самарского** ярче всех и поэтичнее звучит стихотворение «У исхода». Надо заметить, что печальная тема ухода человека из жизни решена со значительной долей юмора. Только одарённым под силу говорить о трагичном весело. Может Владимир Павлович писать стихи, когда захочет.

О своей подборке «Ощущение полёта» скажу только, что стихотворение «Ущербная луна» было написано ещё в Стране Советов, когда генеральным секретарём ЦК КПСС был Н.Черненко. В те времена это стихотворение публиковалось без предпоследней строфы.

Философски глубоки и одновременно лиричны стихи **Кирилла Ковальджи**. Подборка «Если...» – это очередной мастер-класс автора. Все без исключения стихи нашли отклик в моей душе. Стараясь быть благодарным читателем, поражаюсь неожиданности тем и их неординарным решениям.

Для меня сложно в стихах **Александра Балтина** найти что-то значимое и особенное. В стихотворении «Волшебный мой кинематограф» нарушен ритм в третьей строке пятого катрена. Вполне можно было написать: «Соседний дом, как иероглиф/В наборе окон световых». Прозаически звучит стихотворная зарисовка бытовой драмы «Отчаяние». Стихам А. Балтина не хватает запоминающейся образности, яркой метафоры.

Лирика **Валерия Кулешова** по-осеннему печальна. Почти все стихотворения о неразделённой любви. «Миную пропасть» – вполне достойная подборка. Стихи написаны искренне и вдохновенно. Принимаю даже назидание ловцам любви в первом стихотворении. Сильно сказано: «...абсурдно, как покойника будить».

Желаю всем доброго здоровья и новых творческих удач.

ЗАГАДОЧНЫЕ СНЫ

Георгий НАЗИМОВ,
Калифорния, США

Сон первый

Приснился мне сон, будто стою в сиянии света, и чудится мне, как на Руси-земле красное солнышко над прудом золотит ковёр душистых лилий и как тихий летний ветерок катит мирною волною к берегам серебристым накатом воду. А в поднебесной красоте мне снится очертание духовного храма, и чудится колокольный звон, и где-то льётся благовест вдали. Снится мне, как тихим маем благоухают на Руси сады, а в голубоватом небе подёрнутые розоватым подпалом спят беспечно седые облака.

Мне видится, как в высоте лазури летят, блестя крылом, сверкающие ленты птичьих стай на летние кочевья, а по лесам родной Руси, слегка закуржавившись, деревья зеленеют и яркий летний луч, зайчиком пробега, рябит по деревьям разнообразной игрой сквозь сетку весенних листьев. Всё тихо на Руси! Снятся мне грозы красивые, и чувствую я, как сладко ноет у меня в груди, а сердце щекочет радость.

И как где-то слышна будоражащая трель соловья, перекатная... Снятся мне лиловые грозди сирени, и как в саду жасмин льёт свой аромат. Но чую, будто замирает сердце у меня, и я не знаю, снится мне это или не снится. Но только почему-то чувствую я, что не видеть мне больше во сне русской волшебной весны!

И тут вдруг словно что-то оборвалось... Словно что-то потерял на вечную разлуку, и я в тревоге проснул-

ся. Отчаяние и беспредельная мрачная, глубокая тоска легли мне на сердце.

Сон второй

От полночи и до утра мне снился сон грозы над полями свободной Руси; неужели я в последний раз вижу ширь полей родных просторов? Во сне я ожидал грозы... Мне чудилось, как над полями клубились низко облака, а воздух трепетал прохладой. Вдали блеснули узкими ленточками, синеватыми отблесками колючие проволоки молний, осветив весь небосклон и волнующиеся поля золотой ржи. Неожиданно с оглушительным треском пронесся глухой раскат грома... И первые крупные капли дождя, забарабанив, оросили сухую землю. Налетела гроза, грохочет гром и тяжёлым градом широкою полосой бьёт и сечёт по полям... Стонет земля, но вдруг рёв замолк!

Над полями пронеслись тёмные свинцовые тучи, а из-под небес блеснул солнца отрадный луч, и разноцветная радуга взошла.

Дохнуло свежим воздухом и полевыми цветами.

Но так хотелось в душе, чтоб на просторах свободной Руси зрели могучие нивы, и в них волновались бы золотом переливы ржи!

Но я смирился, зная, что это только сон, он так успокаивающе подействовал на меня, мне было мучительно-сладко, и я, повернувшись на бок, снова уснул.

Сон третий

Да, я видел сон, я видел страшный сон. Мне казалось, что мой рассудок покинул меня. Мне приснилось, что на небе бледный месяц в синей мгле тускло горел, а в воздухе был лёгкий мороз.

Чудилось мне, будто стою я на погосте у могильной плиты, а позади поникшего креста ползёт дикий шиповник, а над ним возвышается скелет белой берёзы, и она грустно спит. Прошло, как мне показалось, долгое время, но как ни старался я во сне

Голубые ели. г. Арсеньев

разгадать, так и не смог отыскать, что это за место, где та могила, где буду я одиноко лежать.

Сегодня я уснул глубоким сном, и будто бы вся моя жизнь прошла передо мною.

Вот я вижу строгое, но мирное мёртвое лицо отца, а рядом мать с опухшими от слёз глазами, вся в чёрном. Неожиданно во сне что-то рухнуло, и отец и мать исчезли навсегда! И тут странное и болезненное чувство легло мне на душу. Неужели в последний раз вижу?! А когда я очнулся от сна, то в моём сознании чётко обрисовались образы отца и матери.

Да! Я прожил полную жизнь, думая, что ещё не всё ушло. И теперь, стариком, уныло вспоминаю то, как бывало прежде... Знать, суждено нам меркой жизни пройти предсмертной дорогой свой путь. И вдруг охватило щемящее чувство и дрожь пробежала по моему телу.

Сон четвёртый

Да, то был странный сон. Мне было странное явление, я видел Русь. Вот когда ярче всего, во сне, овладело мной чувство внутреннего волнения, и сколько ясных мыслей промелькнуло у меня в голове, и как радостно застучало в груди моё сердце! Мне снится, будто я на вершине над обрывом, и вижу всю Русь как на ладони. Во сне мне явился сквозь дымку лучезарный причудливый образ женщины. Она тихо стояла в лазоревом покрове, склоняясь надо мной с распростёртыми руками, безмолвно молясь за Русь, её спокойный грустный лик был устремлён в немую даль.

И в этот миг озарилась залитая блеском долина подо мною.

Меж облаками и вдали на горизонте я вижу Кавказа снежные вершины, его леса, холмы и мраморные скалы, мечети, сакли и сикоморы спят там в волшебной красоте.

Во сне я обвожу глазами неоглядную ширь степей Руси и сыпучих песков красоту. Ведь хорошо там, в степях, на солнечном просторе, где чуткий ветер, волнуя, гонит мирным накатом вдоль по степям ковыль-траву и где стоит благодатная тишина.

Мне чудится Север суровой Руси. Там белые ночи стоят и в сизой мгле в алмазах седой мороз, а по небу, незаметно скользя, луна разлилась перламутром. Но в час под утро застонала земля, загудели пургою метели, заметая сугробами Русь... Я, стоя, с вершины дивился на таинственные заманчивые леса родной Руси, наполненные звуками ночи и заветными преданиями сказок воображаемого мира леших, водяных, с бабою-ягой, упырями и русалками, пугая трепетом робкую душу младенца.

Я вспомнил, как бывало прежде и сколько было во мне детских желаний. А где же теперь моя молодость?! И я открыл глаза. Не видать мне больше сна Руси. И мне захотелось навсегда отдохнуть.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Из сборника «Спаси и сохрани». М., «Ковчег», 2006

Никола Хлебный

Удивителен рассказ писателя Николая Коняева: «В храме – справа, на стене, образ Николая Чудотворца. Лик почти не различить – буровато-коричневой темнотой запеклись краски! – но глаза смотрели ясно, живо и очень добро... Едва вошел в церковь, сразу потянуло к этому образу. Что-то простое, надежное и необходимое было в нем, как в куске хлеба. „Так это и есть Никола Хлебный.“ – пояснила мне монахиня. „Никола Хлебный? – удивился я. – Первый раз такое название иконы слышу“. „И мы не слышали, пока икону не принесли...“ – сказала матушка и выдвинула вделанный в киот ящичек для свечей. В ящичке лежали узкие полоски бумаги...

Первый раз в жизни видел я их... Это были продовольственные карточки военных лет. Одна карточка была выдана на имя Елизаветы Ефимовны Хмелевой – ей полагалось получать в ноябре 1941-го четыреста граммов хлеба в день. Вторая – на имя Марии Петровны Павловой, получавшей в ноябре 1941-го полную норму – восемьсот граммов.

Ноябрьскими карточками ни Елизавете Ефимовне Хмелевой, ни Марии Петровне Павловой не суждено было воспользоваться: 16 октября немецкие войска начали наступление в направлении Грузино – Будогощь – Тихвин и 8 ноября овладели городом, пытаясь сомкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Об этом я и сказал матушке. „Не знаю, – покачала головой монахиня в ответ на мои слова. – Женщины, которые образ этой церкви пожертвовали, другую историю рассказывали“. – „Какую же?“ – „Они сами ее только слышали от взрослых... Все так и было. И немцы наступали. И в оккупацию женщины попали... А есть нечего. Карточки эти немцы ведь не отоваривали... В общем, хоть с голоду помирай...“

Поплакала Елизавета Ефимовна (это ей и принадлежал образ), засунула свою хлебную карточку в свечной ящик, помолилась Николаю Чудотворцу и спать легла. А утром смотрит – на столе хлеб, в четыреста граммов кусок... А тут как раз соседка заходит, Мария Петровна. „Это ты, Маша, хлеб принесла?“ – спрашивает у нее Елизавета Ефимовна. „Нет, – говорит та, – откуда сама без хлеба сию...“ Рассказала ей Елизавета Ефимовна о чуде, и Мария Петровна упросила опустить и ее хлебную карточку в свечной ящик...

„Вот так и прожили женщины оккупацию“, – завершила рассказ монахиня.

Как уж получилось это – неведомо, а только каждое утро по куску хлеба находили... Святитель Никола Хлебный кормил их всю оккупацию. Недолго, правда, и были-то в оккупации, месяц только. Уже в декабре освободили наши войска Тихвин.

Монахиня перекрестилась, взяла „чудотворные“ хлебные карточки из моих рук и бережно спрятала их в свечной ящик».

Юрий Кузнецов: «Я в поколение друга НЕ НАШЁЛ...»

Невольная фотовспышка

Это было так давно, что кажется неправдоподобным. Году примерно в семьдесят третьем старший матрос N-ской береговой базы подводных лодок Тихоокеанского флота угодил на гауптвахту, где его поместили в одиночную камеру «без окон, без дверей», а главное – без возможности сидеть и лежать: бетонный пол, стены да потолок. Этим матросом, понятно, был я – дерзкий, «красивый», но ещё далеко не «двадцатидвухлетний».

На ночь «для спанья», «при хорошем стоянии» (то есть ежели ты не ломился в дверь, не орал, не пел отчаянных и крамольных песен вроде «Не жалею, не зову, не плачу...»), выдавали «вертолёт» – четыре нешироких доски («десятки»), сбитых двумя поперечинами.

Старший матрос не ломился и не орал, но, стиснув зубы, ногами бубнил себе под нос: «Я лежу на жестоким одре из досок, / неуютный кулак подогнав под висок».

Я не знаю, откуда взялись в моей отчаянной голове эти строчки, написанные, как потом оказалось, Юрием Кузнецовым во время Карибского кризиса, участником которого он был «вплотную и непосредственно» («Я стоял на посту, / на котором стреляют на шорох, / если желают живыми вернуться домой», «Я видел рождение циклона / на узкой антильской гряде»).

В то время память моя никак не запечатлела такого обыденного, «непоэтического» имени (чай, не Вознесенский, не Рождественский!). Видимо, в гарнизонной библиотеке имелись «толстые» журналы, и строчки про жестокий одр из досок сами собой угнездились в сознании, когда я пролистывал поэтические подборки.

Через пять лет, когда я поступил в Литературный институт, на первой же лекции по истории русской критики преподаватель обратил на меня внимание (не только своё, но и всей аудитории) особым образом. Медленно проходя между рядами, после слишком долгого, «томительного» молчания он вдруг вскинул на меня указующий перст (как памятник-ленина) и громко, разделяя слова, повышая голос после каждой паузы, произнёс: «На этом месте... [пауза] сидел... [пауза] гениальный русский поэт... [пауза] Юрий Кузнецов [три восклицательных знака]». И, повышая голос до фальцета: «А ты кто такой?» (с ударением на «ты»; далее – «гробовая тишина», «немая сцена» и т.п.) Я ничего не нашёлся ответить, кроме как: «А он что – умер?» (Театральная ремарка: «Громовой смех сотряс стены аудитории»).

До слёз смеялся удивительный человек, своеобразный и любимый всеми преподаватель Михал-Палыч Ерёмин, автор замечательной, хотя и «непролазной» для первокурсника книги «Пушкин-публицист», открывший нам помимо всего прочего (как, вероятно, и ранее – Юрию Кузнецову) смысл названия пушкинской статьи «Об обязанностях человека» (а не только о пресловутых «правах»!).

Так состоялось моё заочное знакомство с Юрием Поликарповичем, которое со временем намагничивалось всё более, покуда не вылилось в грубоватый (с его стороны) телефонный разговор: «Почитай на ночь Гомера, Данте, Шекспира, Гёте (с придыхательным южнорусским «г»), а потом приходи!» Понятно, я не пришёл.

Речь шла о возможной моей публикации в альманахе «День поэзии», главным редактором которого в тот год был Юрий Кузнецов. Тогда «прорыва» не произошло; зато повезло моему тогдашнему другу и сокурснику Мише Попову, ныне автору многих известных, вышедших в Москве, прозаических книг. Через несколько лет, обнаружив в «Новом мире» невольные инсинуации Ирины Роднянской на тему «...и та же самая рука (т.е. Ю.Кузнецова) вывела многие строчки Юрия Кабанкова», Миша Попов написал шуточное стихотворение в мою защиту, которое заканчивалось так: «Он не похож на Кузнецова, / но кажется порою мне: / он Мандельштама и Кольцова / соединил в себе. Вчерне...»

Юрий Поликарпович и забавлялся, и раздражался подобной постановкой вопроса. Забавлялся (солидаризируясь с И. Роднянской) потому, что, по его глубокому убеждению, «вы все выползли из черепа Юрия Кузнецова, как девятнадцатый век – из «Шинели» Гоголя» (как хошь, так и понимай сию черепно-мозговую контаминацию: тут ведь и череп Олега коня, и «Я пил из черепа отца» – вплоть до «бедного Йорика»). А раздражался он потому, что терпеть не мог Мандельштама, не признавал его вообще как поэта, искренне обижался за Кольцова, которого «вструмили» в такое «непотребное соседство». Когда я указывал (а словечко «суггестивность» вызывало в нём тяжёлую скепти-

ческую меланхолию) на «густоту» поэтических образов у него и у Мандельштама, он заявлял: «Ваших мандельштамов не читал и не собираюсь!»

Конечно же, у меня были какие-то заимствования и перепевы, от которых вряд ли возможно уберечься. Да и нужно ли? Тут были и прямые послы вроде «А край, – он известно, – за первым углом», или: «...И куда степь не затянуло ржою, / всё кружился он над пажитью чужою, / всё посматривал, как в мельницах дозорных / расщепляются стремительные зёрна... / Знал подлец, что этот гром свинцовый / не примстится даже Кузнецову!» Этот кузнецовский гром со всеми сопутствующими атрибутами иногда обнаруживает себя и в недопечённой моей поэме «Мирская хроника»: «Гром прошёл по краю вселенной, / встал отец, удручён и небрит: / «По грязи, среди забытых селений / путь лежит на восток», – говорит...»

Так что «нет дыма без огня» и не будем отрешиваться от каких-либо влияний и перетеканий, поскольку «чистота бесплодна, на ней ничего не растёт, даже любовь». А любовь – в её исконном смысле – была; любовь, прежде всего, как доверие, любовь, которая «долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, [...] всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит...» (1 Кор. 13, 4-7). Потому-то, в отличие от многих «супротивных», меня не раздражали ни его «гигантизм» (как это явлено у С.Чупринина), ни его провоцирующие заявления вроде «Звать меня Кузнецов, я – один. / Остальные – обман и подделка». Ну, я не знаю, в какой такой сто первый раз нужно напоминать, что поэта потребно судить «по законам, им самим над собой признанным» (Пушкин)!

Я не стремился навязывать ему своё присутствие, бывал у него нечасто, наши встречи можно пересчитать по пальцам. Так что поводов для собственно «воспоминаний» у меня не слишком много. Ну, «выпивали» вместе (а кто сейчас скажет, что не «выпивал с Поликарпычем?»). Правда, в первый раз у меня это произошло «по настоятельной необходимости». Юра Доброскокин, тонкий лиричный прозаик, «молившийся» на трёх «несоветских» богов – Юрия Казакова, Андрея Платонова и Кнута Гамсуна, частенько «выручал» Кузнецова по утрам, когда «глаза б мои на неё не глядели!» Он-то однажды и попросил меня отнести «Поликарпычу» то, что наутро называется «для поправки здоровья».

Батима, как и положено заботливой супруге, всячески старалась препятствовать сему, но, как говорится, что написано пером не вырубишь на скале. Кстати, «семейные тылы» Юрий Поликарпович читал высоко, хотя и молчаливо. Но я помню, как однажды в день рождения Батимы (в самом конце восьмидесятых) он бурно восхищался – ну, не угадаете! – её шеей. (Женщины знают, что скорее всего выдаёт их возраст).

Когда вышел в свет «Русский узел» (в 1983 году), я, переждав волну эйфории и чествований, напросился в гости «конфиденциально» – чтобы избежать хоровых и сумбурных словоизлияний. Хотелось поговорить спо-

койно и трезво. Первое наполовину удалось, со вторым вышла заминка. Несмотря на это (или «благодаря» сему), беседа наша затянулась до вечера – куда не вернулась с работы Батима и сигаретным блоком «БТ», как палицей, не разогнала нас, то есть, скорее, – меня (Юрий Поликарпович курил тогда только дефицитные «БТ»). Это было моё единственное длительное общение с «Поликарпычем» с глазу на глаз. Понятно, что глубина сего общения никак не сравнима с той, о которой у Кузнецова сказано: «Нас только двое, остальные – дым. / Твоё здоровье, Кожинов Вадим!»

К слову сказать, это наше затянувшееся собеседование стало возможным, скорее всего, потому, что Вадим Валерьянович на обсуждении в ЦДЛ очередного «Дня поэзии», редактором которого был уже Валентин Устинов, обратил внимание Кузнецова на моё стихотворение «В поезде», где «...спят россияне в вагоне общем. / А над котомкой старуха стынет, / на остановках к окошку тянется. / «Сыне! Что ж ты не пишешь, сыне?» / Никто не встретит её на станции...»

Понятно, что речь у нас шла, прежде всего, о поэзии, и рефреном звучало фамусовское «вы, нынешние, – нутка!». Однако более основательно завязался разговор, как ни странно, о женщинах – не анекдоты о безголовых блондинках, а разговор, я бы сказал, житейский, «практический», что ли. Основанием разговора (а я через несколько лет и книгу свою назвал «Разговор») можно считать знаменитое кузнецовское «Двуединство»: «Орёл парил. Она блуждала, / Не видя в воздухе ни зги. / И, ненавидя, повторяла / Его могучие круги».

Сюда же следует добавить (ежели печатная площадь позволяет) не менее трагические, почти скандальные для того времени строки:

«Ты женщина – а это ветер вольности, / Рассеянный в печали и любви, / Одной рукой он гладил твои волосы, / Другой – топил на море корабли»;

«Дай мне прежние ночи стряхнуть! / Я забыл, что расцвет неминуем, / Твою круглую терпкую грудь / Забирая одним поцелуем»;

«Кровь дышала жадно и глубоко, / И дымилась страсть из-под ногтей. / И летал то низко, то высоко / Треугольник русских журавлей»;

«Ты выдержал верно упорный характер, / Всю стёр – только платья висят. / И хочешь лицо дорогое погладить – / По воздуху руки скользят»;

«С глаз долой! – я себе говорю, – / И привета не жди ниоткуда, / В это лоно ты крикнул люблю, / Улю-лю – ты услышал оттуда»...

Это всё – из «Русского узла», и, конечно же, далеко не всё.

Главное здесь: «Ты зачем полюбила поэта / И его золотые слова?» (Тютчев: «Не верь, не верь поэту, дева, / Его своим ты не зови / И пуще пламенного гнева / Страхись поэтовой любви!»)

Я тогда только-только развёлся с женой, и Кузнецов смотрел на это довольно мрачно: «Как жить-то будешь без тыла?» Я грубовато пошутил: мол, было бы корыто, а свиньи найдутся! Весомый его ответ: «Ты ж не мышинный жеребчик на ходулях. Русскому человеку

непристойно без жены». (Через несколько лет это отозвалось и в моих виршах: «Оторванный от жён и пашен / Державу не окинет взглядом. / Но страшен взгляд! А если страшен – / то и окидывать не надо?»).

Я показал ему только что написанное стихотворение «Когда Нева сжигала фонари...» и, пояснив, что во Владивостоке у меня слишком давно «миленький ты мой, возьми меня с собой!», попросил разрешения позвонить в эту «даль светлую». «Звони, только пожарь яичницу с салом, а то закусывать нечем». А сам удалился из кухни с моим листком в руках.

Покуда я звонил, сало сгорело напрочь, чад стоял, как в кочегарке. И пока я проветривал, Юрий Поликарпович, закашлявшись в этом чаду и матерясь несусветно, разобрал моё стихотворение по винтикам, как механическую игрушку. Нашёл явные параллели, о которых я и подумать не мог (рубцовские строчки, озвученные Ю.П., вряд ли были тогда опубликованы): «Поэт, как волк, напьётся натошак, / *И неподвижно, словно на портрете*, / [...] сидит на табурете, / и всё молчит, не двигаясь никак». (И это притом, что – в Литинститутском общежитии: «Не многовато ли двух гениев на одну кухню?» Это потом, через годы, он уважительно скажет: «Молчите, Тряпкин и Рубцов, / Поэты русской резервации!» Из современников, на тот момент, Юрий Поликарпович признавал равным себе лишь Николая Тряпкина).

Так вот, фраза «и неподвижно, словно на портрете», оказывается, целиком вписывалась в моё стихотворение: «И открывалась просветлённость дня, / и ты, легко отбросив покрывало, / сухой листок с календаря срывала / и пристально смотрела на меня, / и зажигала спичку о стекло, / и молча подносила к сигарете, / *и неподвижно, словно на портрете*, глаза твои светились тяжело». А концовка («От Ладоги – до самой Уссури, / вдоль полотна, на каждом километре, / стоишь, *ладонью заслоняясь от ветра*. / И вьюга задувает фонари»), уж «без всяких сомнений», была «содрана» у самого Кузнецова («Ничего не сказала на это – / И мгновенно забыла меня. / И ушла по ту сторону света, / *Защищаясь рукой от огня*»).

Когда через три года после сего мы с Еленой поселились на станции Чернь Тульской области, Юрий Поликарпович был сдержанно рад этому, и в знак своего «благословения» подарил нам книгу Мирослава Крлежи «Баллады Петрушки Керемпуха» со своими переводами «с хорватско-сербского». Надпись была краткой: «Юрию Кабанкову и его Елене на веселие духа. Юрий Кузнецов. 25.08.86».

Это его сербохорватское «веселие», честно сказать, оказалось жутким; разве что пир во время чумы сравнится с разгулом сего бесовски-отчаянного «веселья» (то ли автора, то ли переводчика). Строки, завершающие книгу, таковы: «В винном погребке, в холодной / непроглядной темноте / было слышно, как свободно / воет ветер в пустоте, / и с кровавыми ногтями в сердце, в лёгких, гол и бос, / я завыл, как перед смертью одинокий старый пёс». По всей вероятности, этот пёс и сидел у меня в голове, когда я впоследствии писал: «И

впрямь ничтожен ты в своём предназначенье, – / мне голос был, – и в чём твои мученья? / Голодный зверь и тот достойней встретит смерть! / Вовек достало б вам и радости, и хлеба – / когда б не эта ваша чёрная потреба, / затмившая сияющую твердь...»

В последний раз мы виделись с Юрием Поликарповичем во Владивостоке, куда его занесло с каким-то «писательским десантом», а меня – тогда же – на эту мою «малую родину» – наше бегство от чернобыльской радиации. Среди застоля (на квартире приморского поэта Владимира Тыцких, тогдашнего «ответсека» местного отделения СП) Кузнецов как-то загадочно прошептал мне на ухо: «Ночь... Опасайся мыслей / с пёсьими головами» (понятно, строчка его стихотворения, но всё же...)

Эта встреча произошла в августе 1991 года – аккурат накануне грандиозного переворота («накануне грандиозного шухера», как говорил киношный Попандупуло-Водяной), а лучше сказать – «разворота», что в старославянской огласовке звучит как «разврат», в результате которого мы все оказались неожиданно-негаданно в другом, доселе неведомом нам государстве. Хотя слишком понятно, что Россия православная (Святая Русь) была и остаётся при любом государственном раскладе.

О подобных материях у меня с Кузнецовым разговоров никогда не велось. Но однажды я присутствовал при его «горячей беседе» с художником Юрием Селивёрстовым, немногим ранее оформлявшим его «Русский узел». Это был нелцеприятный разговор двух зачастую «язычествующих» в своём творчестве художников о путях преодоления художественной и душевной расхристанности.

Будем надеяться, что преодоление всё же произошло и мы «на всю оставшуюся жизнь» имеем возможность для усердной молитвы об упокоении их смятенных и, в конце концов, просветлённых душ. Правда, я не думаю, что это просветление явлено в последних, «христианских» поэмах Юрия Кузнецова: здесь эстетический и душевный непокой не оставляют места для духовной тишины. Но твёрдо уверен, что «преодоление фрагментации» в душе Юрия Поликарповича было динамическим, «неостановимым», а порукой тому – хотя бы его стихотворение «Голубь», где сказано:

*Так, значит, есть и вера, и свобода,
Раз молится святая простота
О возвращенье блудного народа
В объятия распятого Христа.*

P.S. Елена, для которой феномен Юрия Кузнецова всегда чётко делился на «книжку» (стихи) и «Поликарпыча» (вживе), прочитав этот текст, на мой вопрос «ну, как?» ответила иронично и кратко: «Сало жалко!»

10 августа (28 июля) 2007 г.,
Смоленской иконы Божией Матери
«Одигитрия» (Путеводительница)

ХОТЬ ГОРШКОМ НАЗОВИ...

«Языку свойственно меняться». Спору нет, как и всё остальное в нашем непостоянном мире, язык меняется. Но, как и у всего остального, у языка есть два пути изменения, как то: развитие и деградация. Не надо заглядывать в толковые словари, чтобы определить «деградацию» как упрощение, ухудшение, антиразвитие, наконец... Что же мы, жители России и носители Великого Русского Языка, имеем на первое сентября 2009 года с лёгкой руки Министерства образования? Заметьте, Министерства образования(!!!), а не усреднённого гражданина бывшего Союза Советских...

Не хочется повторять избитое, хотя оттого не менее постулатное выражение: «Язык является носителем КУЛЬТУРЫ нации»! Слово «культура» здесь, как можно заметить, не случайно... Вспомните те словари, где рядом с правописанием слова указывалась ссылка на цитату из классики (не столь важно, что советское руководство почему-то питало особое пристрастие к Тургеневу и Шолохову). Стало быть, цитата поднимала незадачливого читателя до культурного уровня, до языка тех, кто внёс вклад в культуру.

Вместе с обществом языку свойственно деградировать и вместе же с обществом ему свойственно развиваться, он не плетётся «за» или «перед» обществом, он лишь отражение культурного уровня своих носителей. Упрощение же языка – следствие духовного обнищания нации. И только так. В результате своих изменений Министерство образования не подаёт руки утопающему – нет, оно ныряет в тёплую жижу по соседству с этим утопающим. А Министерство образования (!!!!), как мне казалось, есть орган, в деятельность которого входит образовывающая функция своего народа.

Обеденная трапеза обычно заканчивается кофе, но сегодня позвольте с него начать. С него и глупой шутки: «Заходят двое в кафе, заказывают кофе. Терпеливо сидят за столиком, ждут заказа, он покуривает, она тербит салфетку в пальцах... Наконец заказ на столе, крошечные чашечки аппетитно дымятся... Он делает небольшой глоток, морщится:

- Что, ОНО? – спрашивает она с усмешкой.
- Полное, – отвечает её собеседник: – и сахара мало.

Напомню, язык не плетётся «за» или «перед»... Уровень культуры – ОНО!

Поскакали дальше (да, да, куда несёшься ты, тройка Русь, да так, что гоголевская «щекатурка» сыпется (а Гоголь за свою щекатурку всю оставшуюся жизнь голову пеплом посыпал))...

ЙОгурту-то за что? Почему не майонезу – тоже слово нерусское... Да простят мне читатели такую роскошь – я живу в Санкт-Петербурге, НО! боюсь, что даже обитатели

самой глубокой глубинки глубин, приходя в единственный на ближайшие пятнадцать километров магазин, спрашивают йОгурт, и никак не йоГурт. Исключением может являться «хозяин той крайней избы, где из дымохода пар от самогонки, что из твоей паровозной топки». Он ни йОгурта, ни йоГурта не слышал – у него либо на корочках, либо на рябине.

Теперь никому не режущий слух «йОгурт» низложен, а никому (ой ли) не режущее слух кофе – самое ОНО! И никаких гвоздей. Боюсь, продавцы в магазинах на некоторое время погрузятся в йоГуртовое замешательство... (Кстати, произнесите «йоГурт» ещё и с фрикативным «г»!!!)

Не обошла стороной Министерство образования и сексуальная революция, отразившаяся в сардоническом переименовании «брачующихся» в «брачащихся»... О чём я? А вы уберите букву «б» во втором слове... Сразу всем станет ясно, зачем «брачатся». Не говоря о самой неказистости слова. «Брачующиеся» – ну пусть какие-то «танцующие», ну пирует там в этом «ачую»... Ах, вы не слышите пирует? Да-да, хватит плясать, пора «рачить-ся»!

И никакое каратэ не поможет. Скажите, положи руку на сердце, не всё ли вам равно, как пишется это не столь часто употребляемое в русском языке слово? Стоила ли трудов, споров, диспутов, денег(!!!) (а дискусанты получают заработную плату) одна буква в слове, пришедшем из далёкой Японии? Спор о правописании слова «пи(е?)пец» – тот же уровень. И как же сия участь миновала куда более распространённые нынче «суши»... В японском языке нет ни звука «ША», ни буквы «Ш». Стало быть, «суси»... В Историю можно войти, можно плюнуть. Войти не получилось...

Через два года мой сын тоже пойдёт в школу, и я горячо надеюсь, что к тому времени в Минобразовании будут сидеть совсем другие, умные и образованные люди, которые научат ребёнка пить ЧЁРНЫЙ кофе, покупать йОгурт в магазине, и не «брачиться» с плохими девочками. Хотя первым научу его я. И ещё я научу его писать с заглавной буквы слово МАМА, РОДИНА, а не «Интернет», и подразумевать эту заглавную в словах ЧЕСТЬ и ДОСТОИНСТВО...

Ещё: если я встречу на улицах моего города вышеупомянутых горе-филологов, я с удовольствием тресну им по башке самым тяжёлым из их словарей... И пусть не обижаются.

Сергей АВИЛОВ,
прозаик,
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

МЕДВЕЖИЙ КЛЮЧ

Борислав РОМАНОВ,
г. Владивосток

Быль

Борислав РОМАНОВ родился в 1920 году в селе Весёлый Кут Знаменского района Кировоградской области в семье учителя. Окончил сельскохозяйственный техникум, учительский институт, Харьковскую высшую партийную школу.

Долгое время был на партийной работе в приграничных районах: Уссурийском, Октябрьском, Пограничном. Работал заведующим административным отделом крайкома партии и курировал пограничные войска. Впоследствии получил назначение на должность начальника фельдъегерской службы края. Активно занимался литературным творчеством. Рассказы опубликованы в центральной и местной печати, в литературном сборнике «Паруса-3» Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (2008 г.).

Эта история произошла в один из тех чудесных дней, которые бывают у нас в Приморье только осенью. Мы на «газике» добирались на заставу, к давнишним друзьям-пограничникам. Времени оставалось в обрез, и шофёр Василий Полуниин старался выжать, как он часто шутил, «вторую космическую скорость». Хорошо накапанная дорога пролегла через перелески, извиваясь между сопков, перепрыгивая через бурлящие горные ключи, а то вдруг становилась на дыбы – шла на крутой подъём, чтобы потом устремиться вниз и затеряться в прохладной чаще леса.

Стоял сентябрь, воздух был прозрачен и по-летнему тёпл. Всюду носились запахи последних луговых цветов, хвои, грибов. Сочной окраской завораживал осенний лес: золотой россыпью в березовых и липовых рощах, багрянцем на клёнах и диких виноградниках, зеленью хвойных деревьев и дубков. Вместе с разбросанными островками рощ виднелись порыжевшие заплатки убранных полей. Дорога пошла на подъём. По обе стороны раскинулись заросли лиспедации – медоносного кустарника, с которого в сентябре пчелы ещё берут взятки – золотой нектар. Поэтому не случайно здесь, в глухом уголке, рядом с границей, можно было в эту пору увидеть на склонах сопков хуторки кочующих пчел.

До заставы оставалось не так уж много. Скоро должен быть и пост. Но что это? Слева в кустарнике как будто мелькнул человек. Женщина бежала наперерез машине, размахивала руками, стараясь привлечь наше внимание. Василий нажал тормоз. Женщина, не добежав до машины несколько шагов, обессилев, видимо, от быстрого бега, упала, затем поднялась на колени, протянула руки и прокричала:

– Помогите!

Из-под сбившегося платка виднелись пряди чёрных с небольшой проседью волос, лицо бледное, перекошенное от горя, глаза полны слёз и мольбы.

– Миленькие мои, помогите, родные мои!

Я поднял женщину и пытался успокоить. И только поняв, что мы не собираемся уезжать, она почти прошеп-

тала:

– Миленькие мои, помогите. Мужу плохо, умирает, вон там... – показала рукой в сторону кустарника, из которого только что выбежала.

– Как проехать туда? – поинтересовался Василий.

– Дорога, миленькие, вон там, чуть повыше и влево, а напрямик, через кусты – здесь совсем рядом... Пойдёмте, а то ему сильно плохо – почти весь кровью истёк... Медведь задрал его.

Василий побежал к машине, мы с женщиной направились через кусты. Она шла очень быстро, почти бежала, и я за ней еле успевал. Тонкие ветки кустарника чувствительно хлестали меня по лицу, она же ловко уклонялась от них. Чувствовалось, что в этих местах ей каждый куст знаком.

Так мы вышли на тропинку, которая тут же привела на поляну, где перед нами оказалась довольно солидная пасека. В стороне от неё стоял приземистый, как старый перезревший гриб, не то омшаник, не то просто сарай, а рядом – небольшая палатка. Женщина снова разволновалась, кинулась чуть в сторону, к небольшому кусту дикой сирени, где на траве почти без признаков жизни лежал мужчина. Рубашка на нём была изорвана в клочья. Голова и правая рука наспех забинтованы простынёй, сквозь неё проступали пятна крови... Рядом, прижавшись к траве, жалобно повизгивала собака, наверное, раненая, тут же находилась вторая. Женщина, припав к груди мужа, зарыдала, а он смог только чуть пошевелить здоровой рукой и еле слышно простонал:

– Пи-ить...

Сквозь кусты я увидел машину Полунина. Шагнул было ему навстречу, как вдруг... вздрогнул: совсем рядом, возле перевернутого улья, увидел убитого медведя.

– Ёлки-палки! Вот это да! Такой громила мог косточки запросто посчитать. Пудов на пятнадцать, а то и на все восемнадцать медведь точно потянет, – выскочив из машины, удивился Василий. – А ловко кто-то его! Посмотрите – прямо в голову. . .

Мы с Василием некоторое время с интересом и страхом рассматривали «хозяина» тайги. Даже на мёртвого медведя-гиганта нельзя было спокойно смотреть.

– Кто же это его? – спросил я у женщины.

– Я... Хорошо, что собаки выручили, вот даже Пирату попало, слышите, как скулит, бедняга? – вытирая фартуком мокрое от слёз лицо, продолжала женщина. – Вначале услышала лай. И тут Прохор кричит: «Мария! Ружье!» – я все поняла. Ведь он, негодник, и ночью приходил. Видите? Три улья распотрошил! Прохор стрелял, но темно было, не попал... так вот, значит, выскочила я из палатки с ружьём и вижу: насел медведь на моего Прохора. Ну, думаю, конец ему... В это время собаки вцепились медведю в задние ноги. Тот бросил Прохора и на них... Вот тут и не помню, как подбежала, выстрелила и глаза закрыла. Думаю: и мой черед пришёл. Но, слышу, собаки лаять перестали. Открываю глаза, гляжу: рядом, почти у самых ног, лежит медведь и на меня смотрит. Думаю, живой, хотела ещё стрелять, а патронов-то больше нет... А потом взглянула на Прохора. Господи, смотрю, весь в крови, а на плече кусок мяса вырван, вместе с рубашкой висит... Рука раздроблена. Чуть сознание сама не потеряла...

Тут она заметила, что раненый пошевелился, прильнула к нему.

– Что, Проша? Сейчас, миленький, потерпи.

Надо было торопиться.

– Давай, Василий, снимай переднее сидение – и мигом в больницу!

Хотя пасечник и был тяжёл, но втроём мы сумели аккуратно занести его в машину. Под голову положили подушки и получилось не хуже, чем в «скорой». Пока Василий ещё раз проверял, удобно ли раненому, я спросил женщину, сможет ли она сейчас поехать...

– А как же, миленькие, куда же он без меня, я обязательно должна быть с ним рядом.

Прощаясь, я крепко пожал смелой женщине небольшую, мягкую ладонь. Машина тронулась. Вслед за ней выскочил пёс. Чуть пробежав, залаял и вернулся. Всякий раз, как только он смотрел на таёжного великана, его шерсть поднималась, и он, единственный теперь здесь хозяин, сердито и протяжно рычал.

Кругом стояла тишина. Только над головой с монотонным успокаивающим жужжанием носились челноком пчелы, усиленно трудились, чувствуя последние дни медосбора. В чаще, где-то совсем близко, прокричал фазан-петух, а на небольшом кудрявом дубке рядом с палаткой, застрекотали сойки.

Я уже собирался уходить, когда в траве увидел ружье. Поднял его – одноствольное, курковое. В патроннике пустая гильза. Ружьё лежало в двух шагах от убитого медведя. Так близко! Я поразился смелости женщины – она не думала о себе, подошла к медведю вплотную... Да, не каждый видавший виды охотник отважился бы на такое! Вполне могла случиться осечка, и выстрел мог бы пройти мимо. Только теперь я по-настоящему представил себе, ощутил всю глубину и сложность разыгравшейся здесь трагической истории.

Ещё раз посмотрел я на ружьё, которое машинально продолжал держать в руках, затем положил его на улей и направился к тропе, которая вела к заставе. Тропа шла вверх по ключу, который именовался Медвежьим. Мне неведомо было, с каких пор и почему именно этот ключ стал так называться, но эти события на пасеке показали, что он неспроста был кем-то так назван. Мысль об этой истории долго не покидала меня, а перед глазами ещё долго стояла эта смелая, отважная женщина, которая постоянно разделяла с мужем трудную и неудобную для неё обязанность, вдалеке от своего дома, от людей. И так каждое лето, каждую осень...

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

*1. Произведение присылается **ОДИН** раз.*

*2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.*

*3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).*

*4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.*

5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных).

*6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА**.*

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

Хвост войны

(рассказ)

конкурс

9 Мая

Владислав ГУСАРОВ,
г. Владивосток

1.

С приходом немцев на Украину старшая сестра Владимира Закопайко вышла замуж за полицаю, а мать развернула в Виннице бойкую торговлю награбленным у евреев и «кацапов» добром. Не обходил стороною бойкий зять и украинских хат.

Полицаи гуляли у них в доме, а Владимира заставляли играть на скрипке. Когда он сбивался с такта, раскрасневшаяся, возбуждённая гулянкой, нарядно одетая сестра зло щипала его, а муж её и остальные полицаи одобрительно хохотали.

Сверстники Владимира на улице швыряли в него камни, вечером подстерегали и колотили жестоко, но он ни разу не пожаловался на них сестре, матери или свояку. Так тянулись годы.

Они исчезли из Винницы – и мать, и сестра, и свояк – с приближением к городу Красной Армии. Свояк оказался расторопным малым: они даже успели вывезти с собою большую часть добра. Но они не увезли Владимира: он ушёл из города накануне всеобщей паники и повального бегства, когда через Винницу уже тронулся на запад второй эшелон германских войск.

Скрипка помогла не пропасть. Его, тринадцатилетнего парнишку, ещё долго подкармливали по сёлам, пока в один из дней он не оказался в интернате. Потянулись спокойные и относительно сытные годы, но никак невозможно было забыть жадные руки матери, складывающие в пачки оккупационные марки, при постороннем шуме быстро накрывающие платком рассыпанные на столе золотые серьги и кольца; невозможно было забыть красивое и злое лицо сестры, её нарядные блузки и платья, принесённые из чужих гардеробов; в ушах его ещё долго стоял пьяный гогот и громкий стук каблучков пляшущих полицаев; и он долго видел себя играющим на скрипке – придавленного позором и всеобщей ненавистью, хотя и ни в чём не виноватого мальчишку.

Он никогда не думал, что через восемь лет трагические события вновь ударят по нему беспощадно. Его вызвали и долго, подробно расспрашивали обо всём. Его заставляли подписывать протоколы. Сомневались в его показаниях. Вновь заставляли вспоминать. Он думал, что сойдёт от всего этого с ума. Наконец его отпустили. Наверное, он мог бы остаться, продолжить обучение в консерватории. Но для этого нужно было забыть всё, что так живо стояло перед глазами; нужно было смириться с позором и при встречах с людьми не замечать той самой ненависти, которая преследовала его во времена расстрелянного матерью и сестрою детства.

Он уехал на Дальний Восток, где его никто не знал. Он увозил с собою в сердце неверие и черноту. Флот понравился Закопайко. Здесь никто не лез ему в душу. А старший и второй механики парохода «Невастрой» заслуженно хвалят машиниста первого класса Владимира Ефимовича Закопайко.

2.

Наверное, до конца дней не оставит его в покое война. Ведь прошло столько лет, и ему самому уже тридцать два. А от Винницы до Владивостока тысячи километров. И вдруг – аукнулось.

Месяц назад его снова вызывали (у него хватило ума не рассказать об этом на судне никому). Да, вызывали. Но не за тем, чтобы ворошить прошлое. С ним говорили вежливо и уважительно. Но от этого земля не перестала колебаться под ногами.

Его мать и сестра, оказывается, живы и сейчас находятся в Австралии! Там и свояк-полицай, избежавший-таки расстрела. Только об этом в письме любящих мамыши и сестры не говорилось, сказали об этом знающие люди в том учреждении, где проходила беседа с машинистом Дальневосточного пароходства Владимиром Закопайко. А любящие мамыша и сестра лишь просили компетентные органы отыскать их сыночка и братика или хотя бы указать место, где находится его могилка. Буде же так случится, что В.Закопайко, год рождения... место рождения... жив и здоров, то они, две любящие души, просят его приехать к ним в Австралию в гости, а если В.Закопайко того пожелает – навсегда.

– Можете им написать, товарищ Закопайко. Вот адрес.

– Если можно, передайте им, что я не желаю писать.

– Так не годится. Нам не поверят.

И тогда Владимир Закопайко написал. Он им обо всём написал! И если «любящие мамыша и сестра» после получения письма до сих пор вздыхают и охают, он этому только рад! Он им высказал всё, что думал о них эти годы. И свояку передал «привет». Он написал, что если В.Закопайко когда-нибудь откроют допуск к заграничю, он специально станет проситься в рейс на Австралию, чтобы повидаться со свояком. Потому что ему очень хочется сыграть свояку на скрипке и посмотреть, как тот пляшет. Только пусть свояк не забудет, что В.Закопайко уже тридцать два, а не тринадцать, как в сорок втором году!

Четыре часа утра ровно. Машинист Владимир Закопайко принял ходовую вахту и делает обход машинного отделения. Он поднимается на средние решётки, промазывает движущиеся детали паровой машины. Мысли бегут. После того, как отправил письмо матери и сестре, наступило некоторое успокоение. Он как бы выплеснул большую часть накопившейся в нём ненависти. Стало легче дышать. Теперь он регулярно станет им писать. Пришёл его час! Он не даст им спокойно жить там, в Австралии. Он ещё не всё сказал!

А может... Владимир остановился. Может, оставить всё как есть и не разогревать свою ненависть? Пусть живут, как хотят, в той Австралии, мать и сестра. Но свояк!.. Нет, пока жив свояк, Владимиру Закопайко под этим небом не найти покоя! Умница Никита Михалков, хороший режиссёр кино, как-то произнёс с телеэкрана: «Хвост войны намного страшнее её клыков».

Увидеться бы и пожать ему руку.

Героями НЕ РОЖДАЮТСЯ

Анастасия КАРАБАЕВА,
г. Арсеньев.
Фото из архива автора.

Когда в этом году на военном параде в Москве объявили об участии в нем двух модификаций вертолетов Ка-50 «Черная акула» и Ка-52 «Аллигатор», изготовленных в городе Арсеньеве на ОАО ААК «Прогресс» им. Н. И. Сазыкина, слезы радости выступили на глазах. И, уверена, не у меня одной. Нас знают уже не только в России, но и за рубежом. И не только по боевым вертолетам, но и по спортивным «ЯКам», противокорабельным суперракетам. А ведь всего этого могло и не быть.

В 2009 году наш город отметил 100-летие со дня рождения Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Николая Ивановича Сазыкина, который был не только директором «Прогресса», но много сил и труда внес в строительство и инфраструктуру города, в его экономическое и социальное развитие. О производственной деятельности Николая Ивановича подробно и много писали, а мне бы хотелось рассказать о его человеческих качествах, о том, что я знаю из опыта личного общения с этим легендарным арсеньевцем... Мне посчастливилось работать рядом с ним более десятка лет.

НАЧАЛО

Родился Николай Иванович 15 июня 1909 года в бедной крестьянской семье в городе Баку. Семья вскоре переехала в деревню Зеленково, в Подмоскowie. Здесь и прошло его детство с деревенской ватагой сверстников. Лазил в птичьи гнезда, в чужие сады, иногда дрался, приходилось пасти скот и лошадей. За провинности не раз попадало от отца, строгого воспитателя. Внешне Николай походил на маму, тихую, скромную, добрую женщину. Старший брат Сергей окончил реальное училище с золотой медалью, сестра Шура – гимназию с отличием. Родители все делали для того, чтобы дети получили образование, а дети же помогали своим родителям.

Николай зарабатывал извозом на лошади. Возил деревенских до ближайшей станции. Рано научился плести поделки из лыка и лубка, а также лукошки, корзинки. Продажа или обмен их на продукты были неплохим подспорьем семье. Но тяга к знаниям привела его в город Грозный, на завод «Красный молот», где стал работать учеником сварщика, а вечером он учился в вечерней школе. В 1931 году переезжает в Москву, устраивается на «Электрозавод». И поступает в МАИ, который был создан на базе МВТУ им. Баумана. Он был в числе первых выпускников этого института, впоследствии давшего многих известных авиастроителей с мировым именем. Первые студенты сами строили корпус института, расчистив под него площадку у Ленинградского шоссе. Будучи студентом, Николай пользовался авторитетом среди товарищей. Умел в запутанной ситуации найти мудрое решение, сплотить в нужный момент вокруг себя людей. Хорошо помогал ему и природный юмор. Молодые сердца любили пофантазировать и поспорить, но Николай мог так грамотно подвести базу под сущность вопроса, что большинство оставались на его стороне.

После окончания института Николай Иванович пришел на завод, который занимался проблемами водного транспорта на воздушной подушке. И хотя затею многие считали фантастической, Сазыкин настойчиво работал и экспериментировал. Возможно, этому делу он посвятил бы жизнь, но грянула война.

ВОЙНА

Немцы в июле 1941 г. прорвали оборону и неожиданно вышли на побережье Финского залива, минирова с моря подходы к Риге, Кронштадту, Лиенае, заблокировав военно-морские базы Балтийского флота. Николай Иванович в это время испытывал первый в мире катер на воздушной подушке в одной из малопосещаемых бухточек за Ораниенбаумом. Так вышло, что он оказался в немецком тылу. Выход из бухты сторожили немецкие бронекатера, он простреливался артиллерией, а к тому же был

заминирован. Сазыкин получил задание от завода уничтожить катер и самостоятельно выходить из окружения. Ситуация была более чем серьезная.

Уничтожить детище, в которое было вложено столько разума и сил, не поднималась рука. А как спасти? Дело в том, что мины ставили не только немцы, но и наши за Ораниенбаумом на фарватере к Кронштадту. Если бы катер проскочил, но взорвалась мина, могли бы обвинить в расклевывании минных заграждений. А где вообще гарантия, что, не зная мест постановки мин, можно проскочить их и остаться живым? И вот тут-то Сазыкин принимает смертельно опасное решение – спасти катер.

Среди белого дня, на глазах у немцев, катер стремительно пролетел опасные места и приземлился на своем берегу. Радостная встреча и... арест. Допросы, разбирательства. Но все обошлось. Николай Иванович ликовал. Этот катерок, возможно, будет «дедушкой» мощных катеров на воздушных подушках для морских пехотинцев-десантников. Конечно, ни о какой дальнейшей работе над катером в данный момент не могло быть и речи. Немцы стремительно наступали. Не хватало техники, паровозов, вагонов, чтобы эвакуировать народное добро в безопасные районы и там, восстановив заводы, обеспечить армию всем необходимым для разгрома фашистских полчищ. Николая Ивановича назначают старшим эшелона эвакуируемого завода. Эшелон есть, тяги нет – паровоза. Везде суета, неразбериха, и он принимает решение заплатить за паровоз из заводской кассы. Эшелон спасен, а он получает год исправительных работ. Пишет письмо в ГКО с просьбой разрешить искупить вину кровью.

И искупал в штрафбате, рядовым шофером, а закончил войну с орденом Красной Звезды, восстановленным во всех гражданских правах, кроме одного – называться коммунистом.

ПОСЕЛОК СЕМЕНОВКА

В конце 1945 года Николай Иванович забирает семью в Агрызе, где она была в эвакуации, и новый 1946 год встречает уже в пути на Дальний Восток. В Семеновке их встретили поздно ночью на вокзале, посадили в сани с лошадей в упряжке, привезли в единственный тогда четырехэтажный дом – «сорокашку», где была гостиница. На другой день дали квартиру на первом этаже. Только через несколько лет они поселились в индивидуальный дом. Николай Иванович прибыл на должность главного технолога. Шло освоение катера КС-1, и он тут же включился в работу. В военные годы завод выпускал учебно-тренировочный самолет УТ-2, и, конечно, Сазыкин очень хотел вернуть заводу авиационный профиль. Но на первых порах не просто складывались отношения с директором завода Н. С. Новиковым. У

Н.И. Сазыкин.

обоих характер был не сахар. Но были и сторонники, которые поддерживали Сазыкина, и в первую очередь главный инженер Н.С. Леонов.

В 1959 году Николай Иванович назначается директором завода. Он все делает для того, чтобы сплотить коллектив завода, сделать его монолитным, способным решать самые сложные технические вопросы. Набирает портфель заказов, расширяет круг клиентуры, повышает спрос на творческую активность, исполнительную дисциплину.

РЯДОМ С САЗЫКИНЫМ

Я пришла на завод, когда делали последние модели аэросаней «Ка-30» и начался запуск Ан-14 – «Пчелки». Слухи ходили самые разнообразные. Многие, даже из высшего начальства завода, не верили, что предприятию по силам поднять самолет в воздух. Было отчего сомневаться.

До того, как прийти на «Прогресс» мне довелось поработать на заводе имени Юрия Гагарина на сборке боевых «суховских» машин в Комсомольске-на-Амуре и скажу, что арсеньевский завод не шел ни в какое сравнение со своим северным собратом. Он казался мне обычной мастерской, где основной продукцией были аэросани и планер. Так что, когда поняла, что «Пчелка» – это надолго и всерьез, на сердце словно бальзам пролился. Иногда посещала беспокойная мысль: «Только бы директор не уступил неверящим». И удивлялась тем, кто боялся браться за новое дело, не видя явной перспективы завода...

И хотя должность моя была невелика (контрольный мастер в цехе окончательной сборки Ан-14), работала я в самом эпицентре освоения «Пчелки». Отсюда самолету открывался прямой путь на летно-испытательную станцию (ЛИС) и – в небо. Трудились, не оглядываясь на стрелки часов. Нередко возвращалась домой в 12 часов ночи. Мне не сложно было разобраться в чертежах, так как уже был солидный опыт, и в выдающуюся свободную минуту проводила занятия с рабочими и ИТР. Николай Иванович часто приходил в цех, вникал во все дела производства. И не только. Он был очень внимательным человеком, все замечал. Любил людей, как и сам, увлеченных, преданных делу. По долгу службы прямых контактов у меня с ним не было, да я к этому никогда и не стремилась, но относилась к нему с большим уважением. Я была его искренним сторонником. Мне нравились его уверенность, дальновидность, стремление к новому, пусть трудному, неизведанному.

Вскоре понадобилось укрепить службу технического контроля на стартовом этапе заводского конвейера – в заготовительно-штамповочном цехе, и меня перевели сюда начальником БТК. Так уж было заведено, что при подобном назначении требовалось пройти собеседование у директора, однако Николай Иванович возразил: «Зачем? Я ее видел в работе – грамотный, серьезный специалист, несмотря на молодость. С людьми умеет разговаривать». И добавил: «Пусть пока замену поучит». Правда, на сборке меня еще держали месяца три. Мне вообще не верилось, что будет подписан приказ, так как женщин в цехах основного производства в этой должности не было. Тем более что до меня в этом цехе сменилось пять руководителей мужчин. И здесь Николай Иванович выразил свое особое мнение.

КРУТ, НО СПРАВЕДЛИВ

За многие годы работы на «Прогрессе», в том числе участия в заводских совещаниях по качеству продукции, мне посчастливилось ближе познакомиться с Николаем Ивановичем. Вряд ли какой ветеран «Прогресса» скажет, что хотя бы однажды Сазыкин поступил с ним несправедливо. Это при том, что Николай Иванович был нетерпим к пьяницам, лодырям, безответственным людям. Идя на прием по личным вопросам, каждый мог надеяться на решение его проблемы. Он был одним из немногих руководителей, отличавшихся непоказной

уважительностью к женщине. Это меня особенно поразило и приятно удивило. Чего греха таить, часто заводское начальство не отличалось ни тактом, ни порядочностью в отношениях со слабым полом. Расти нам по служебной лестнице, особенно на оборонных предприятиях, просто не давали. Считалось, что командовать здесь – не женского ума дело. За многие годы работы на авиационных заводах встречала больше умных, талантливых женщин, чем мужчин. Пусть последние меня простят, ни в коем разе я не хочу их обидеть, и, думаю, многие из них, положив руку на сердце, согласятся со мной. Завуалированная дискриминация, к сожалению, длится веками и сегодня она еще не изжита по отношению к женщинам. Я не раз испытала ее на себе. И вот, благодаря Николаю Ивановичу, на «Прогрессе» произошел прорыв. Я стала первой «в чине» руководителя цехового подразделения. Много позже были и другие. Так, А. С. Печура успешно возглавляла один из сборочных цехов, оставаясь единственной на заводе женщиной в такой должности. Я помню, когда от «Прогресса» организовался механический завод по выпуску товаров народного потребления. Встал вопрос о главном контролере, и была предложена моя кандидатура. Николая Ивановича уже не было в живых. И что же? Новый директор Фен Загидович Абдулин на представленный проект приказа о моем назначении вспылал: «Вы что?! Все тут с ума посходили? Забрать Караваяеву с этого цеха! Да они завтра же завалят сборочные цеха браком и мы с вами будем сутками сидеть расхлебывать». Он, видимо, не думал обо мне как о специалисте, которому нужно расти, соответственно получать более достойную зарплату за труд. Хотя с Феном Загидовичем у нас были очень хорошие производственные отношения. На 50-летие завода он был в числе приглашенных (к тому времени работал «на западе», на другом заводе), а я занималась созданием нового заводского музея. На открытии гостей было очень много. Бегу по лестнице на второй этаж музея, а навстречу мне – Абдулин с гостями. Я свернула к краешку перил, чтобы пропустить, а он кинулся ко мне, обнял со словами: «Ну и молодец! Ну и умница! За такие сроки – и такой музей! Я так рад видеть тебя. Везде ты на месте». Я уж думала, что он меня и не помнит...

Николай Иванович во всем требовал дисциплины. Особенно не любил, когда руководители опаздывали на совещание. Даже взыскание было утверждено: опоздал – лишился 10% премии. Я как-то тоже попала в неприятность. Меня в цехе задержали по какому-то важному вопросу, связанному с заказчиками. Подбегаю к конференц-залу, а там у дверей мнется мой коллега из цеха 8 А. И. Ломаков. Давай препираться, кому первому принять на себя гнев директора – войти первым.

– Алексей Иванович, вы же мужчина, – уговариваю его. Он неуверенно переступает с ноги на ногу. А дорогие минуты идут. И тут я решительно открываю дверь.

– Начнем работу, – говорит Николай Иванович, недовольно сверкнув на нас глазами, и начал меня отчитывать. Чувствую, быть грозе и мучительно думаю, как сгладить обстановку и избежать наказания. Оправдываться желания не было, хотя причина была уважительная. И тут я обращаюсь к нему:

– Ну что вы, Николай Иванович, обрушились на маленькую беззащитную женщину? Посмотрите, какой великан прячется за моими хрупкими плечами.

Взоры присутствующих обратились к нам, зал сначала замер, а потом раздался дружный смех. А. И. Ломаков был действительно высок ростом, широк в плечах, с «трудовой мозолью» спереди. И я на его фоне смотрелась козявкой. Николай Иванович, подавляя улыбку, сказал:

– Ладно, садитесь да учитесь у Анастасии Самсоновны выходить из трудных ситуаций. А ты, Ломаков, скажи ей спасибо, что спасла тебя от наказания.

Не любил он разгильдяйства, невыполнения решений. Вот

тут уж он не давал спуску руководителям-мужчинам, спрашивая с них по полной программе. Как-то на совещании по качеству, где женщиной была одна я, гроза надвинулась на одного из начальников цеха. В срыве сроков был виновен не только он, но и другие здесь же присутствовавшие службы. Вопрос был срочный и серьезный. И тут директор не выдержал:

– Анастасия Самсоновна, выйдите, пожалуйста, мне надо кое с кем поговорить!

Я поднялась, а из зала, слышу, кричат: «Самсоновна, не уходи, он материться будет!»

Стою, растерянная, и вдруг Николай Иванович рассмеялся:

– Вот, стервецы, за помощью к женщине обратились. Сделаем так: назначаем компетентную комиссию для полного выяснения причины срыва задания, а подготовит приказ и председателем будет Караваева.

Моих возражений о том, как же это я буду наводить разборки с руководителями на ранг-два выше меня, он не принял. Так было потом не раз.

В ЦЕХАХ ОН БЫЛ НЕ ГОСТЕМ

Николай Иванович был мудрым человеком, умным и талантливым инженером и организатором производства, просматривавшим ситуацию на многие десятилетия вперед. И наш первенец вертолетостроения МИ-24, зарекомендовавший себя в Афганистане, пришел на завод благодаря ему. За него дрались, насколько я знаю, директора таких известных в СССР авиазаводов, как Улан-Удэнский, Ульяновский и другие. Но, видимо, Сазыкину поверили больше, и завод не просто в короткие сроки освоил выпуск этой винтокрылой ударной машины – он установил рекорд постановки ее в серию, перекрыв даже военные темпы «раскрутки» авиатехники при Сталине. Тогда, в конце 1969 года – начале 70-го, Сазыкин «прогнал» через опытный подмосковный завод в Панках сотни рабочих, инженеров и техников «Прогресса» с учебной целью. Я тоже с группой руководителей служб и цехов побывала там. Усиленно велась учеба и непосредственно в Арсеньеве. Реорганизовывалось производство, внедрялась новая точная и высокопроизводительная техника. Работы на важнейших участках велись по круглосуточному графику. Сотни авиастроителей трудились без выходных дней. И в октябре 1970 года первый в истории страны серийный боевой вертолет отправился в испытательный полет. Потом мы выпускали по 15-16 машин в месяц. «Летающие танки», как их называли, до сих пор стоят на вооружении нашей армейской авиации. Даже снятые давно с производства. Увы, сегодня государству не под силу выпустить им на смену еще более грозные «Черные акулы» и «Аллигаторы».

За блестящее выполнение правительственного задания по освоению боевых ударных вертолетов Сазыкину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. А за внедрение в этот период ноу-хау в титановом литье (вместе с группой ученых и рабочих) он получил высшую награду Родины того периода в области науки и техники – Ленинскую премию, но это было несколько позже. А тогда почти каждый день его можно было видеть в каком-нибудь цехе, непосредственно на производственных участках, без предупреждения, совершенно одного, без свиты. Он любил понаблюдать за красивой работой слесаря или станочника, мог подойти побеседовать или просто поблагодарить за труд. Я в своем цехе уделяла большое внимание учебе рабочих и ИТР, ибо знания – это прежде всего уверенность в качестве продукции. Как-то рано утром, до начала работы, я подошла к одному рабочему помочь ему разобраться в чертежах и допусках на детали, которые он изготавливал. Они часто шли с дефектами. Стоим с ним у верстака, разложили чертежи, достали мерительный инструмент. Я объясняю, он слушает и примеряется к детали. Увлечлись и не заметили, как к нам подошел в Николай Иванович, стоит в сторонке, слушает. Потом и говорит мне:

– Вот молодец, начальник БТК, правильную линию ведешь, сначала научить – потом требовать.

Я от неожиданности смутилась, а потом и забыла об этом случае. Но не забыл директор. Как-то на совещании по качеству, когда шел разговор об учебе кадров, он привел наш пример.

Строг был, иногда резковат, но справедлив. Был такой случай. Плохо шли приборные доски на осваиваемые корабельные ракеты – некачественная оснастка не позволяла укладываться в жесткие допуски. Начальник цеха не раз обещал решить вопрос с техническими службами, но дальше обещаний дело не шло. Был конец квартала, я понимала, что вина здесь была не только цеха, но и службы главного технолога. И все же нужно было остановить дефектную продукцию. Всех предупредила, что некачественная продукция на сборку из цеха не уйдет.

Можно представить себе, что это означало, да еще на оборонном предприятии – блокировка выполнения плана... Начальник цеха доложил заместителю главного инженера по этому изделию. Тот прибегает разъяренный:

– Да кто ты такая здесь, девчонка? Не пропустишь доски – вылетишь за забор!

А я ему: «Может, местами поменяемся?»

Он еще больше распалился, кричит, бегаёт вокруг стола. Тем временем появился Николай Иванович. Но мы его не видим, а когда увидела, сердце зашло: «Теперь — точно за забор!». Директор ведь больше всех заинтересован в сдаче ракет – это же госзаказ, за который сам министр с него спросит. Но вдруг – стою и ушам своим не верю:

– Олег Юрьевич, а Караваева права. В инженерных делах сила власти – это не решение проблемы.

В тот же день были составлены мероприятия по устранению дефектов и доработки оснастки со сроками и исполнителями. И вскоре все пришло в норму.

Николай Иванович сумел сплотить коллектив завода на выполнение самых сложных инженерных и производственных задач. Много сил отдавал работе с кадрами, не боялся выдвигать молодых, энергичных специалистов на ответственные должности и не выпускал из поля зрения их успехи, помогая приобретать опыт и знания, а когда нужно было, мог принять и крутое решение или подсказать. Был такой случай. Молодой специалист, энергичный, не лишенный определенных способностей, статный, красивый парень быстро стал расти по служебной лестнице. Из приветливого молодого человека быстро превратился в чванливого, высокомерного выскочку. В молодой семье пошел разлад, хотя жена была интересной, под стать ему женщиной. Слухи дошли до Николая Ивановича. Он пригласил его к себе, крупно поговорил насчет производства. А потом тактично выяснил о происходящем в семье. Оказывается, молодого человека не устраивало, что жена спрашивает его, где он допоздна задерживается. На что ему Николай Иванович сказал:

– Ты думаешь, моя Ольга Александровна не спрашивает, где и с кем я бываю? А если бы она не интересовалась моими делами, моей жизнью вне семьи, как я, где, почему задерживаюсь, то на кой мне такая жена, которой все равно. Значит, я ей не нужен. А раз волнуется, ждет тебя, значит, любит. Так что поубавь свою спесь и налаживай семейные отношения.

Дело у них доходило до развода, а потом все было хорошо.

Николай Иванович знал и следил за работой многих руководителей. И не только высоких рангов. А ведь их на таком большом заводе было немало. Это же касается и меня. Я всегда держалась с ним на почтительном расстоянии. Как-то поздно вечером, часов в 19–20, сижу в кабинете, работаю. Я любила эти тихие часы, когда цех пустел – люди уходили домой

на отдых: никто тебя не дергает, не трещит телефон. Можно спокойно поразмыслить, принять нужное решение, поработать с документами. Углубилась в работу и не заметила, как распахнулись двери, и вдруг слышу:

– А это мой лучший начальник БТК Анастасия Самсоновна Караваева.

Я соскочила со стула, смотрю, а у дверей Николай Иванович в окружении незнакомых мне людей. Это было время, когда завод входил в новую эпоху – вертолетную. Очень трудное и интересное время. И на заводе часто бывали высокие гости из Москвы, из Министерства авиационной промышленности, ОКБ Генерального конструктора и т. д. Как потом узнала, эта делегация была одной из таких. А Николай Иванович между тем продолжал:

– Умница, разносторонний человек, заканчивает институт, интеллигент, к тому же Бог юмором не обидел.

Пытаюсь возражать:

– Николай Иванович, нельзя же так...

Гости, улыбаясь, пристально рассматривают меня, а я стою, как на углях. Он не дал мне договорить, продолжил:

– Это мой будущий начальник цеха, я все же надеюсь ее уговорить. К тому же хорошая мать. А как поет под гитару – заслушаешься.

Я опять пытаюсь прервать его похвалы, но он улыбается:

– Вот-вот, видите, ко всему еще скромница, а ведь я сказал о ней только правду, да и то не всю. Другой все пороги обобьет с требованием то оклада, то повышения, а она дело делает, да еще парторг цеха.

Но не могу считать себя полной бесребреницей. Николай Иванович помог мне с жильем. Двенадцать лет прожила в общежитиях, а когда появилась семья – мыкалась по квартирам. Одним словом, нагоревалась. И вот мне с его помощью дали комнату в квартире с подселением в неизвестной «сорокашке». Вчетвером мы жили в одной комнате, но я была счастлива – это был мой угол, где я – хозяйка. А уж когда через пять лет получила свои отдельные жилые 26 кв. м, в которых живу и до настоящего времени, радости не было конца.

ГОРОД И ЛЮДИ

Николай Иванович не только заботился о выполнении производственного заказа, но и думал в первую очередь, о тех, с кем ему предстояло решать эти проблемы, – о людях, а стало быть, о городе. Как везде, остро стоял вопрос с жильем. Еще многие жили в бараках первостроителей, а некоторые вообще не имели жилья. Особенно он беспокоился о детях, о молодежи – будущих кадрах завода. Я помню, как он, обращаясь к нерадивым руководителям, ссылавшимся на разные трудности в строительстве, которых, действительно, было немало, с горечью говорил: «Бараки – это наш позор невнимательности и равнодушия к людям, живущим до сих пор в них. Нужно как можно быстрее строить дома». Как временный выход – для молодых семей решил строить благоустроенные «малосемейки». При Николае Ивановиче строительство в городе приняло небывалый размах. Вырастали целые кварталы жилых благоустроенных домов. Кроме лагеря «Салют», для детей заводчан построили замечательный пионерлагерь «Бригантина», у моря на мысе Песчаном. Выросло несколько школ, детских садов, чудесный Дворец культуры «Прогресс», было создано подсобное хозяйство, откуда поступали овощи, мясо на столы заводчан. Да всего не перечислишь. Он старался, чтобы город выглядел зеленым, чистым, ухоженным, красивым. За сроками намеченных работ строго следил. Это его идеи: очистить бассейн, образовать благоустроенный городской пляж, прежде всего – для детей, соорудить фонтаны.

Сооружение последних шло туго. Не хватало труб и спецоборудования, но Николай Иванович не отступал. При очередной проверке выполненных работ начальник цеха, отвечающий за установку труб, начал плакаться на то, что не может их достать, некого выделить на сварку и т. д. Чувствовалось, что многие на фоне выпуска боевых машин к фонтанам относились скептически. Николай Иванович с сокрушением обратился к этому руководителю и всем присутствующим:

– Не пойму я тебя, да и всех, кто наплеватьски относится к этому делу. Неужели ты не понимаешь значения нашего бассейна? Ведь это же для твоих детей, внуков делается. А разве самому не приятно видеть такую красоту?

И действительно, когда 18 августа 1974 года на празднике, посвященном Дню авиации, впервые взлетели на несколько метров вверх серебристые струи фонтанов, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, – было незабываемое зрелище. Берег бассейна украсили беседки, раздевалки, небольшой пирс, вышки, откуда можно было нырять в воду. Для маленьких сделали горки в виде желобов с прямым попаданием в воду. Ликованию, особенно детей, не было предела, и, наверное, все, кто так или иначе принимал участие в созидании этой радости, в душе чувствовали заслуженную гордость, забыв обиды за «разносы», наказания строгого директора.

Детей он любил, как говорят, по жизни. Не только своих детей и внуков, но и вообще детей. Цехи на заводе были закреплены за школами, классами. Как шефы мы ходили в «свои» классы, интересовались учебой детей, помогали учителям работать с «трудными» детьми, с неблагополучными семьями, в оформлении классов, прилегающей к школе территории, взваливая на себя эти «нерабочие» обязанности. И за этой работой тоже успевал следить Николай Иванович.

ВНЕ ЗАВОДА

Говорят, что дома и на работе один и тот же человек – разный. Я как-то не задумывалась над этим, но случаи помогли увидеть Николая Ивановича и с этой стороны. Моя маленькая дочурка после окончания школы отдыхала в пионерлагере «Салют». Я поехала ее навестить. С разрешения вожатой нашли укромную скамейку, сидим, разговариваем. Я спрашиваю ее о делах. Мы так были увлечены друг другом, что не заметили, что рядом с нами на другом конце скамейки сидит Николай Иванович со своим внуком, таким же малышом, как и моя. Они, оказывается, были в одном отряде. Когда я увидела рядом Николая Ивановича, даже растерялась. Я же общалась с ним только в деловой обстановке, соответственно и отношения были такие. Видя мое замешательство, Сазыкин улыбнулся:

– Что, доченьку приехала поведать? Сразу видно, что ты и мать хорошая.

И стал расспрашивать дочь, как ей нравится в лагере, чем занимается, что не по душе. Он всегда очень внимательно и бережно относился к подрастающему поколению. Чего только стоит первая в СССР цирковая студия «Веселая арена», организованная в 1971 году при поддержке Н. И. Сазыкина, выступления которой проходят не только в России, но и за рубежом и всегда имеют большой успех. И примеров таких множество.

Как-то меня пригласила на день рождения подруга, муж которой был одним из замов директора. Компания состояла из друзей-соратников Николая Ивановича, которые давно знали друг друга и были надежными в работе и близкими друзьями на отдыхе. О том, кто там будет, я не знала, что будет Николай Иванович – тоже. Подруга просто потом объяснила:

– А чтоб ты не струсил.

Неожиданно я получила возможность увидеть директо-

ра в неформальной обстановке. После первого же тоста беседа полилась легко и свободно. И, опять же, больше о производственных «закорючках». Чтобы отвлечь мужчин от этой темы, хозяйка дома предложила отведать луковой икрой, одного из любимых блюд Николая Ивановича, и беседа потекла по другому руслу. Чувствовалось, что эти люди не только хорошо знали друг друга, но и вкусы каждого, увлечения. Я заметила, что Николай Иванович не прочь был пропустить рюмочку-другую, но – не увлекался. Как, впрочем, и другие. Полились задушевные песни. Все очень хорошо пели, в том числе и Николай Иванович. Он обладал приятным баритоном, пел, что называется, с душой. Начали исполнять для каждого его любимую песню. Муж подруги взял в руки гитару, спели его любимую «Руту», затем дружно подхватили: «Если на празднике нашем встречается», кое у кого на глазах заблестели росинки. С подъемом и даже озорством, а кое-где с грустинкой пел Николай Иванович: «Эх, путь-дорожка фронтовая, не страшна нам бомбежка любая...» Мощно прозвучала «По диким степям Забайкалья». Было много других песен. Я нечаянно перехватила ласковый взгляд Ольги Александровны, устремленный на мужа, и светлую улыбку в ответ Николая Ивановича. И от души порадовалась за этих уже немолодых людей, прошедших и его заключение, и военный штрафбат, и такую нелегкую миссию директора оборонного завода; вырастивших детей, лелеявших внуков, пронесших сквозь тернии великое чувство, названное человечеством и Богом одним емким словом – любовь. Сергей Семенович протянул мне гитару:

– Спой нам, Настенька, что-нибудь из вашего с Катей репертуара.

У его жены был сильный, красивый голос, и у нас получилась неплохой дуэт. Под конец я расхрабрилась, помогло, видимо, и вино, и перешла на частушки о недостатках на заводе. Я в цехе руководила самодеятельностью, и мы готовились к заводскому смотру. Все присутствующие и Николай Иванович от души смеялись и даже аплодировали в тех местах, где, по их мнению, частушки были особенно остры. А когда дома проанализировала свое «выступление», подумала: «Наверное, придется искать другую работу». Но, слава богу, с юмором и критикой у Николая Ивановича было все в порядке. И, кстати, неправда, что он не любил, когда с ним спорят, имеют свое мнение. Как раз наоборот, всегда выслушает оппонента – или согласится, или приведет свои аргументы, или поправит. Уважал людей, отстаивающих свое мнение со знанием дела. Еще заметила в нем такую черту, как скромность – не только в разговоре с человеком, но и во внешнем виде, в его рабочем костюме. Одевался аккуратно, но не броско, и когда подходил в цехе к людям, которые, возможно, не знали его в лицо, беседа сразу приобретала доверительность, задушевность. Не было в нем чванливой высокомерности, как у некоторых других руководителей, желания выделиться. Он своим видом как бы подчеркивал: «Я такой же, как вы, мы вместе делаем важное государственное дело».

НАШ «ДЕД»

Сазыкина на «Прогрессе» называли «дедом». Но мало кто знает, что этим именем «окрестила» Николая Ивановича я. Поражала самоотверженность, с которой он брался за трудные дела и доводил их до логического конца. И мне пришлось на ум сравнение Сазыкина с дедом Мазаем, спасающим в наводнение зайцев, набившихся в его лодку... Так и нас Николай Иванович спасал от обыденности, застоя, превращая мечту в реальность. Да еще вселял уверенность: «Держитесь, на дно не пойдём...» Я долго носила это сравнение в себе, но однажды меня «до-

стали» никак не поддающиеся качеству изготовленные детали, и, расстроенная, я уже вслух заявила заместителю начальника заготовительного производства А. М. Фомичеву:

– Эх, деда бы на вас наслать...

– Кого-кого? – удивился тот.

– Да Николая Ивановича! – уточнила я сердито. Несмотря на серьезность ситуации, тот вдруг сбавил обороты (у него была привычка на всех кричать) и от души рассмеялся:

– А почему ты его так зовешь?

– А, – махнула я рукой, – вам не понять.

Тот обиделся, но не отстал. Трудный вопрос мы решили уже спокойно, и я ему привела свои доводы.

– А ведь ты права, очень точно все подметила.

Как-то после одного из совещаний, когда мы расходились по цехам, почему-то возник разговор об этом прозвании. Один из начальников цехов смотрит на меня и улыбается:

– А ведь это с легкой руки Самсоновны укоренилось это слово.

– Так я же из лучших побуждений, – начала оправдываться я.

– Да знаем мы, Фомичев рассказывал.

Я слышала и другие версии, что в Министерстве его так называли, но это уже после. А до этого на заводе, точно знаю, так его не звали.

ЕГО ПРОВОЖАЛ ВЕСЬ ГОРОД

О его болезни я узнала в краевой больнице во Владивостоке, где меня оперировали. Ко мне заехали проведать Ю. Я. Немчинов (он был тогда парторгом завода) и С. Н. Прилипко – второй секретарь горкома.

– А ты знаешь, что Николая Ивановича оперировали? Он лежит здесь, только в другом отделении.

Я очень расстроилась. Хотелось надеяться на лучшее. Работал он до последних дней, хотя знал, что конец близок. В последний раз я видела с Сазыкиным в его кабинете после того, как он вышел из краевой больницы. Выглядел неважно, но расспрашивал о делах в цехе. Мне так хотелось его утешить, поддержать, поблагодарить и сказать ему о своем глубоким уважении. И до сих пор жалею, что не сказала этого. Предательские слезы, готовые пролиться, все время стояли в глазах, мешая сосредоточиться. В его глазах стоял немой вопрос: «Пришла проститься? Спасибо...» Он явно видел мое состояние. Я все же нашла силы, ободрила, как могла, пожелала здоровья и за все сказала спасибо. И, только выйдя из кабинета, дала волю слезам в туалетной комнате.

После затяжных слякотных дождей 27 октября выпал снег, и сразу – мороз. А снег все шел... Давно не было такой ранней и снежной зимы. 10 ноября 1976 года перестало биться сердце Николая Ивановича Сазыкина. Завод оделся в траур. Кажется, все цехи пропахли хвоей. Делали венки. Движения почти никакого, люди говорили тихо, словно боясь резким звуком потревожить вечный сон ушедшего в Вечность. У многих на глазах слезы. ДК «Прогресс» в траурном убранстве. Звучит реквием. Почетный караул у гроба. Нескончаемым потоком идут заводчане, горожане, гости из Москвы, Владивостока, воинских частей. Вся округа покрыта белым, сверкающим снегом. И город шел за скорбным кортежем бесконечными тысячами – вслед за бронетранспортером, где покоилось тело Николая Ивановича. А над кортежем стремительно пронеслись грозные винтокрылые птицы, которым он дал путевку в жизнь...

Почетный гражданин города Арсеньева. Его имя увековечено в названии одной из улиц – им. Сазыкина. А летающий завод продолжает свой полет в будущее, в которое любил смотреть Николай Иванович Сазыкин.

Байки

ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

Сюжеты являются выдумкой автора и не имеют под собой реальной основы. Все совпадения с описываемыми событиями абсолютно случайны и реальных прототипов не имеют.

АВТОР

ТАК ОТДЫХАТЬ НЕЛЬЗЯ!

Экономия в денежных средствах, выданных на командировку и благополучно пропитых в ночных клубах, принудила Вадимыча поселиться непосредственно в прокуратуре, где он своим храпом начисто лишил личный состав сна.

Опухшие от бессонницы бойцы были вынуждены конопатить все щели в своём закутке, чтобы хоть как-то изолироваться от ужасного храпа, да только всё было без толку. Более того, когда с очередной проверкой к Вадимычу прибыло высоколежащее лицо (без пяти минут генерал), то он проник вместе с ним на выделенную территорию – в гостиницу морской инспекции, как хитрый лис в курятник.

Неосмотрительно допущенный доверчивым начальником в одну с ним спальную комнату, Вадимыч добился конкретных результатов совместного проживания и обнаружил поутру скрюченное тело начальника на лавке в коридоре. Деликатный начальник, боясь разбудить спящего зверя, среди ночи вынужден был срочно эвакуироваться из комнаты и влачить своё жалкое существование на абсолютно не приспособленном для сна диванчике в коридоре.

На недоуменные возгласы Вадимыча начальник только тоненько ругался и обиженно сопел, зарекаясь впредь запускать Конопленко в комнату для совместной ночёвки.

Хочу сразу же заметить, что я учёл благие пожелания своего начальника в этой части и заблаговременно отселил Вадимыча вместе с матрасом в помещение сауны, ранее мною присмотренной и изолированной тремя дверями. Однако и эти меры предосторожности спасали по ночам не всегда, и его могучий храп, сравнимый разве что с рёвом танкового двигателя на больших оборотах, доносился сквозь плотно закрытые двери.

А ТЫ КТО ТАКОВ?

Следующим номером большой программы стала его командировка во второй по величине город Приморского края.

Прибыв для расследования уголовного дела, он немедленно узурпировал генеральский номер в гостинице и расселился со всеми положенными генералам

удобствами. Для полного впечатления комфорта в номере он немедленно организовал второе назначение огромной ванны-джакузи. (У нас ранее, в СССР, всегда оборонные заводы для нужд народного хозяйства выпускали товары народного потребления, которые производились на военном оборудовании).

Поскольку ванна была явно импортного производства, а военные принципы Вадимыч соблюдал неукоснительно, так и получилось, что через неделю своего проживания в номере он освоил вражескую технику на сто процентов, а кроме того, использовал её в качестве пузырьковой стиральной машины, замачивая в ней трусы и носки.

Вскоре мне пришлось выслушать устную жалобу должностного лица управления, носящего штаны с широкими нашивками сбоку (а проще, генерала), на то, что, будучи в командировке в указанном месте, он попытался заселиться в положенный ему по статусу номер гостиницы и потерпел при этой попытке жестокое фиаско.

Будучи от природы воспитанным и деликатным человеком, генерал подошёл к двери люксового номера и вежливо постучался. В ответ из номера немедленно послышался громовой возглас:

– Пошёл вон!..

Поняв, что дальше может быть только хуже, генерал ретировался в простой номер гостиницы и, кормя комаров всю ночь напролёт, попыток к переселению не возобновлял. Жаловался он мне, негодуя, а я, бездушная сволочь, гнусно смеялся, объясняя его необычайную везучесть. Так как он по роду службы постоянно носил гражданскую одежду, то и оказался, по моему убеждению, на волосок от более крутых неприятностей. Ибо вполне возможно, что, выглянув из номера и обнаружив человека в «гражданке», Вадимыч запросто мог бы дать ближнему в лоб, а уже потом поинтересоваться целью его визита.

Дни шли за днями, и пришла пора подводить первые итоги. Итоги были утешительными!

Уникальный документ был обнаружен уже на первых листах уголовного дела. Документ содержал в себе сведения о том, что «трусы, которые одетые непосредственно на погибшем», были уверенно опознаны его родственниками. Сам труп погибшего при этом не опознавался. Это наводило всех на мысль о том, что злодеи-убийцы могли спереть его законные трусы и вместо них надеть свои.

Пояснений от Вадимыча по поводу безумного опоздания я, конечно же, не добился, причём он кратко пояснил, что считает такое следственное действие безусловно необходимым.

Как же ему, бедолаге, было не обижаться на меня, если я от природы таких вещей не пропускаю, а тут появилась такая неисчерпаемая тема.

ПОДАРОК ЛЮБИМОГО

Радость-то какая! Муж-заочник, командир одного из подразделений авиационного соединения, вернулся с очередной сессии! Супруги не виделись в течение месяца, и семейных проблем накопилось немало. Утром, боясь потревожить жену, спящую сладким тревожным сном, подполковник собрался на службу.

Перекладывая документы из гражданской одежды в военную, он достал из внутреннего кармана пиджака газовый баллончик с нервно-паралитическим газом и машинально поставил его на подзеркальный столик. Время поджимало, и офицер рванул на службу.

Весь в предвкушении предстоящего вечера, мурлыча от удовольствия, усталый, но счастливый, он спешил домой! В семью! К любимой женщине! Ну и кончилось счастье-то прямо у порога! Вместо объятий и поцелуев подполковнику быстро и сильно набили физиономию! Причём жена была разъярена настолько, что он не сразу уловил, в чём же, собственно, виноват. А виной всему – женское любопытство, да и роковое стечение обстоятельств тоже имело место быть.

Проснувшись утром, жена стала заниматься своими домашними делам и во время уборки квартиры обнаружила на столике яркий флакончик, напоминающий по внешнему виду дезодорант.

«Ну надо же, милый мне подарок привёз, но вчера, видимо, забыл его вручить!» – обрадовалась женщина. Её душа преисполнилась благодарности к любимому мужу.

Естественно, необходимо проверить, чем же это дезодорант пахнет. Проверила! Потеряв сознание, грохнулась на пол и долго приходила в себя.

Тут на шум падающего тела в гости явилась соседка по площадке. Увидев подругу, бессмысленно мотающую головой и находящуюся явно вне себя, соседка попыталась добиться от неё вразумительного ответа, что же произошло.

Кончилось тем, что с той же познавательной целью соседка прыснула из баллончика подруге в нос, а затем уже и себе.

Приходили в себя подруги долго и тяжело. Но зато уж на виновнике «торжества» жена оторвалась по полной программе!

ДЕБЮТЫ

«ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА»

Ольга НЕСМЕЯН

Ольга окончила Дальневосточный государственный университет. В школьные годы перечитала всего Толкиена, занималась ашихара-каратэ, пела бэк-вокалом, увлекалась классической гитарой. Стихи начала писать в университете. Принесла их в литературную студию «Паруса», в которой занимается с 2003 года. Первая публикация появилась в молодёжном журнале

«Фишка». Затем печаталась в литературном сборнике МГУ имени Невельского «Паруса-3», газете «Меридиан», других изданиях. В 2005 году О. Несмеян увлеклась японской классической литературой... Работает переводчиком в туристической компании.

* * *

*Каплями тяжёлыми в окошко
Барабанит дождь, баллады напевает.
Ветер, на седого старика похожий,
Ветки теревит, аккорды подбирает.*

*Хмурятся уставшие осины,
Шепчутся, желтеют, замерзают.
Осень смотрится в витрины магазинов,
Для себя наряды подбирает...*

* * *

*В по-осеннему зеркальных лужах
Отражается небес улыбка.
Дует ветерок – слегка простуженный,
И терзает нервы чья-то скрипка.*

*Я бреду. Куда? Сама не знаю –
Не люблю знакомых направлений.
Осенью, как птицы улетают,
Я брожу по числам дней рождений.*

* * *

*Расскажи, как сегодня живёшь без меня.
На обычном листе напиши... И по ветру
Полетит на восходе грядущего дня
Пожелание счастья, надеждой согретое.*

*Я услышу тебя через тысячу вёрст –
Сквозь пути поездов и перроны вокзальные.
Так хочу, чтобы ветер однажды принёс
Твои вести, весёлые или печальные.*

Бригада

(Мужицкая байка)

У нас в городе прекрасная река. Если некоторые речки в разные периоды их жизни несколько раз переименовывали, то наша Уссури с момента заселения этих земель была Уссури. Да и кому в голову придёт переименовать такую красоту. Она делит наш город на две половинки и является неотъемлемой частью города, как член семьи, как родное существо. Любое воспоминание об отдыхе, летнем или зимнем, обычно начинается со слов: «Однажды на Уссуре...». Это местный диалект – называть речку не Уссури, а Усура, с ударением на последнем слоге. Летом в выходные или праздничные дни хорошие места надо раненько занимать, потому что весь город на речке. Но, бывает, и в будни народ подтягивается. Тянет она, как магнит.

Моя бригада сантехников работала на ремонтах систем отопления. Летом обычно работы прорва. Но, кроме плановых работ, бывали у нас ещё и «шары», когда за быстро выполненную работу платили сразу и в размере «как договоришься». Мужики обычно всегда соглашались поработать «на шару», потому что дома не обязательно рассказывать об этом дополнительном заработке и можно его потратить на себя любимого, то есть «расслабиться».

Однажды после такой «шары», расслабиться решили на речке, потому что других вариантов просто не было. Сбросились в общий котёл на выпивку и закуску. Вопрос, кого послать «гонцом», обычно не возникал. Всегда в любом коллективе находился «некто», у которого на лице написано, что он «гонец», как бы он ни возмущался, как бы он ни отнекивался. Таким «гонцом» у нас был Валерка Левша, по прозвищу Блоха. Видимо, тот, кто дал ему это прозвище, был эрудит и в своё время читал Лескова. Низенький, неказистый, рыжий мужичок, постоянно обижающийся на кого-нибудь то за своё прозвище, то за то, что с ним, по его мнению, никто не считается. Когда Валера трезв – он обычно обижается молча, а когда в хорошем подпитии – начинает задираться ко всем по очереди, пока кому-нибудь не надоест со своими разборками. Тогда Валера получает очередной «фонарь» под глаз и опять обижается молча.

Пока Блоха решал, чего купить больше, водки или закуски и не выйти из бюджета, мы, оставшиеся пять человек, занимались «хозяйством». Кто-то ладил костерок, кто-то резал помидорки и огурчики, уложенные заботливой женой в сумку на обед. Чистюля Лёха собрал у всех посуду, какая была, и надраивал её песочком, отдирая засохшую грязь и остатки еды. Серёга Капустюк работать не любил и поэтому выбрал роль ожидающего.

Он с нетерпением поглядывал на дорогу и вслух комментировал: «Его только за смертью посылать. Вот тор-моз! О!!! Идёт!»

Все засуетились. Расселись в живописных позах вокруг импровизированного стола, прямо на траве. Вначале,

как всегда, тосты идут серьёзные: «Ну, будем!». После них – молчаливое поедание закуски. И только иногда реплика: «Бочонок, не превращай закуску в еду». Реплика относилась к Вовке Бочкину, по прозвищу Бочонок. Вообще-то он полностью соответствовал своей фамилии, а также прозвищу. Весь круглый, пузатый, коротконогий с постоянно хорошим настроением, что выражалось на круглом лице заразительной улыбкой. Улыбка с его лица не сходила никогда, как у Гуинплена. Он заражал своим хорошим настроением окружающих, и за это его все любили, беззлобно подшучивали над ним, зная, что он никогда не обидится, а посмеётся вместе со всеми.

Постепенно голоса становились всё громче, а тосты разнообразнее: «За любовь», «За баб», «Чтобы не было войны», на худой конец – «Поехали!». Время текло неторопко, никто не гудел под ухом: «Хватит пить! Пошли домой». Словом, мужики отдыхали всласть. Но всему приходит конец. Так и на этот раз – водка быстро кончилась. Опять начали складываться. Опять Блоха заскулил: «Я больше не пойду. Что я вам мальчик на побегушках? Денег вечно жалеете, а мне приходится свои докладывать. А может, кто вообще не вносил?». Поддавшие мужики, скорые на расправу, знали, что «шару» разделили всем поровну, так же поровну внесли в общий котёл. Значит, если проверить, то и остатки денег должны быть у всех одинаковыми. Проверили. У Блохи оказалось больше всех. Долгое следствие вести не стали – слегка поколотили и... отправили за водкой.

Рабочий день давно закончился. Мужики помнили, что домой всё-таки лучше вернуться хотя бы засветло. Но в таком виде можно легко попасть в «Мойдодыр», как ласково называет вытрезвитель вся мужская половина страны. Поэтому стали выбирать пути домой покорооче и поскрытнее. Работали мы на левом берегу реки, здесь же и отдыхали, а жили все на правом берегу. Обычно домой добирались на автобусе, через мост, но сегодня решили переправиться через речку вплавь, а там потихоньку, между домами, чтоб не привлекать внимания «общественности», как сказал Лёха.

Река у нас всё-таки достаточно широкая, поэтому к сплаву стали готовиться основательно. Заводилами и главными распорядителями были Серёга Капустюк и Блоха, потому что они в своё время служили на флоте и называли себя «флоты», с ударением на последнюю букву. Все сложили в рубахи свою одежду и ботинки, завязали узлом. Решили, что доплывём до другого берега, гребя только правой рукой, а в левой будем держать узел, чтоб не намочить. Бочонок, видимо, не очень веря в силу одной своей руки, наломал вербы, содрал с неё кору и кое-как скрутил из неё верёвку. Затем этой верёвкой привязал свой узел к голове, как привязывают компресс к больным ушам. Зрелище было не для слабонервных,

поэтому мужики ещё долго не могли начать сплав: ржали до колик в животе. Наконец все успокоились, и первыми пошли «флоты».

Я как-то быстро всех обогнал. Сказалась сноровка, выработанная с детства. Всё-таки я вырос на этой речке и не счесть, сколько раз переплывал её и на спор, и по надобности. Дна ещё не ощущал, но оглянулся, чтобы посмотреть, как там плывут «флоты» и остальные. Лучше бы я не оглядывался. Вид плывущей группы был таким комичным, что я чуть не захлебнулся от смеха. «Флоты» гребли обеими руками, шлёпая узлом по воде, забыв про собственный наказ не намочить узел. Лёха плыл на спине, узел с вещами был у него на груди, но было видно, что Лёху надо спасать. Оказывается, он свой узел держал зубами и не мог открыть рот, чтобы вздохнуть всей грудью, поэтому погрузился уже по самые уши. Но самым-самым был, конечно, Бочонок. На голове, в виде короны, стояли ботинки, которые кое-как ещё держались, привязанные лозой. Узел с вещами развязался, и брюки с рубашкой, как фата у невесты, плавно извиваясь, плыли за ним. Красное отнатуги лицо с выпученными глазами дополняли картину.

В конце концов сплав закончился благополучно. Все были спасены, кроме одного Вовкиного ботинка. Один ботинок всё-таки утонул. Вещи пришлось разложить на песочке, чтобы просохли. Бочонок пригорюнился – потеря была значительная, а её ещё надо было дома красиво и умело, а главное, достоверно обрисовать. Но Бочонок есть Бочонок. Он не умел долго горевать. Широко улыбнувшись, схватил второй ботинок и с размаху забросил почти на середину реки: «Плыви, дорогой, к своей паре. Всё равно ты мне один не нужен».

– Чё ты делаешь, гад! Ты чей ботинок выкинул?» – раздался вопль Блохи. Опять началась потасовка. Смех, сопение вперемешку с матерками, разборки, обиды. Закончилось всё миром и в реку полетели ещё два ботинка: один – Бочонка, второй – Блохи.

Идти домой по городу босиком неприлично. Это мы понимали, поэтому подождали, пока совсем стемнеет. Пошли все вместе, но Блоха, как всегда, ушёл вперёд один и маячил впереди, как светоч в тёмном царстве. Его сильно раскачивало из стороны в сторону, словно он искал опору и не находил её. Вдруг со стороны моста раздался знакомый квакающий вой сирены. Блоха остановился, повернулся спиной к дороге, вытянулся в струнку и замер. Так он стоял не шевелясь, пока машина с маячками не проехала мимо. Тогда он сразу как-то обмяк и пошёл дальше, вихляя ещё больше прежнего.

Сейчас, по прошествии стольких лет, с теплотой вспоминаю наши приключения. Эх, молодость! Тогда нам было всё просто и всё понятно.

Где вы сейчас, мужики? Счастья вам!

ДЕБЮТЫ

«ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА»

Наталья БЕЛОКОНСКАЯ

Наталья пошла по стопам легендарной Анны Щетининой. В детстве много слышала о нелёгкой судьбе первой женщины-капитана. И хотя мечтала о морской профессии, поступила после окончания школы в ДВГТУ. Учёба шла успешно. Узнав, что в высшую «мореходку» приняты две девушки, пишет рапорт на имя ректора МГУ имени Невельского и, получив «добро», успешно сдаёт экзамены и становится курсантом СВФ. В 2007 году Наталья окончила Морской университет с «красным» дипломом и распределилась на ПУС «Надежда», где служит по сей день. Публиковалась в газете «Меридиан», молодёжном журнале «Фишка», литературных сборниках «Паруса» и «Паруса-2».

МЕЧТА

Тяжело вздыхает море,
Корка льда шуршит,
Якорь на моей фуражке
Золотом горит.

В небо светло-голубое
Взгляд я обращаю
И мечту свою на волю
Чайкой отпускаю.

Как бы мне сейчас хотелось
Полететь ей вслед!
Можно стать мечтою чьей-то,
А вот птицей – нет.

НА «НАДЕЖДЕ»

Она ушла, отдав швартовы
С холодным ветром января.
И взвился флаг России – новый,
Осталась за кормой земля.

Мы мёрзли, лазая на реи,
Нас страховали пояса,
Далёких странствий ветер веял –
Дул с силой в наши паруса.

Всё позади: туманы, штили,
Шторма, заморские края...
Нет лучше приключений в мире –
«Надежда», море, Ты и Я!

Спасибо редколлегии «Литературного меридиана» за трепетное отношение к почти забытой сегодня букве «Ё». Не часто встретишь употребление названной гласной в периодической печати...

Сергей Ларцев, г. Владивосток

В «ЛитМ» нравится творчество всех авторов. И это не удивительно: плохих стихов в газете не бывает.

Стих Александры Золотарь я восприняла как совет. Понравилась пастораль Валерия Брускова. Выразительна фраза: «даже Бурёнка способна стать Музой».

Хороший поэт умеет выразить в стихах «миг слияния с природой».

Очень тронуло стихотворение Анны Бондаревой «Я спою тебе песню», в авторе чувствую родственную душу.

Интересен рассказ Нины Полуполтинных, в котором автор тонко подмечает, как 2–3-летний ребёнок познаёт мир, рисует домик на курьих ножках с лесенкой и трубой прямо на холодильнике. Хорошо было бы давать советы родителям, как поощрять творчество малышей.

Всем желаю творческих успехов, процветания «ЛитМ».

Планирую в дальнейшем не расставаться с «Литературным меридианом».

Раиса Лихачёва, г. Калуга

Отдел книгоиздания

Редакция ежемесячника «Литературный меридиан» возобновляет работу отдела книгоиздания.

Допечатная подготовка книги:

1. Набор текста – от 10 до 25 рублей за лист форматом А-4 (в зависимости от плотности и сложности текста), кегль 12, гарнитура – Муриад Pro, интервал полуторный.
2. Макетирование.
3. Верстка текста (1200 рублей за 100 страниц книги).
3. Обработка изображений.
4. Корректурa.
5. Редактирование (цена – договорная).

Адрес редакции:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 924–263–29–79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
ICQ 223–267–185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Для авторов и подписчиков ежемесячника «Литературный меридиан» предусмотрена система скидок.

ТАБЛИЦА СТОИМОСТИ ЭКЗЕМПЛЯРА КНИГИ (печать – ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев)
(без учёта стоимости допечатной подготовки)

	100 страниц		160 страниц	
100 экз.	≈ 50 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 88 руб. за книгу (печать на ризографе)	
200 экз.	≈ 48 руб. за книгу (печать на ризографе)		≈ 85 руб. за книгу (печать на ризографе)	
300 экз.	≈ 45 руб. (ризограф)	≈ 52 руб. (офсетная печать)	≈ 82 руб. (ризограф)	≈ 75 руб. (офсетная печать)
500 экз.	≈ 40 руб. (ризограф)	≈ 49 руб. (офсетная печать)	≈ 80 руб. (ризограф)	≈ 72 руб. (офсетная печать)

Приведенные расценки актуальны при печати на бумаге плотностью 65 г/см²; обложка мягкая, ч/б; книга сшивается по типу брошюры (при сшивании переплётom А-5 [скобы не видны] стоимость каждого экземпляра книги повышается на 5-10 рублей). Возможны варианты использования различных типов бумаги и полноцветной обложки.

К услугам наших клиентов – коллектив профессиональных дизайнеров, печатников, переплетчиков, редакторов.

Мы готовы работать индивидуально с каждым заказчиком!

Издавая у книги у нас, Вы помогаете развиваться

«Литературному меридиану»!

Князь, обезьяна и дровосек

Сказка

Многие считают, что обезьяны живут только в южных краях. Но в одной стране, не сильно холодной, но и не очень жаркой, макаки водятся.

Люди в этом государстве в старые времена были воинственные, плавали через море, рубились с соседями на западе, на севере и на юге. И как-то с юга знатные воины привезли обезьян – пушистых, с красными мордочками и короткими, словно обрубленными, хвостами. Зверьки смешили детей и взрослых, но держать их в домах оказалось непросто. Если их пускали свободно прыгать по комнатам, макаки устраивали разгром. Посажённые на цепь, они становились злыми и совсем не забавными. Кто-то из князей нанял слуг – развлекать хвостатых чертенят с утра до вечера, а кто-то потерял терпение и велел увезти беспокойную добычу в леса. А леса в том краю были странные, не понять, южные или северные – там и бамбук встречался, и липы, и кипарисы, а порою и сосны, правда, не стройные, как у нас, а разлапистые.

Обезьяны не погибли. Они принаоровились делать шалаши из тёплых сосновых веток, грелись в горячих источниках и там же мыли сладковатые земляные яблоки.

Шёл как-то через лес младший сын одного из небогатых местных князей. Возвращался с охоты. Не повезло – подстрелил несколько белок да зайца, видел лису и куницу, да оба раза промахнулся, а потом и стрелы кончились. Голоден был и зол. А тут, будто в насмешку, макака с дуба свесилась и давай рожи корчить. Вынул охотник из ножен меч, замахнулся... да то ли от голода ослаб, то ли злой дух ему повредил. Выхватила макака у воина боевое оружие и перепрыгнула с дуба на старый клён. Глянул юноша – снизу веток нет, не залезешь. Развилка есть, да высокогато будет. А ещё выше обезьяна сидит и скалится, его меч в лапах держит.

Что делать?

Шёл мимо дровосек с топором. Покраснел молодой князь от мысли, что придётся простолюдину о своей промашке поведать. Смотрит, а дровосек рот рукой прикрыл, а в глазах смешинки прыгают.

Чего рассказывать, и так всё ясно. Вдвойне разъярился князь. Кричит:

– Руби дерево!..

– Зачем же зря клён губить, – степенно молвит простолюдин. – У дерева душа есть, оно жить хочет.

– Не болтай языком, руби!

– Опять же, – поучает дровосек, – я клён срублю, а макака на берёзу перескочит.

– А ты берёзу сруб!

– Я берёзу, а эта тварь на ель. Я ель срублю, а этот бес на осину...

– Весь лес у меня повалишь, а меч достанешь! Руби, я сказал!

– погоди, молодой господин, – отвечает лесоруб. – Тут не топором надо махать, а умом пораскинуть.

Сжал он топор крепче и давай им загогулины выписывать одна другой красивее. Смотрит князь – макака его мечом узоры рисует, дровосека передразнивает. Помахал-помахал дровосек топором да как швырнет его на землю! И обезьяна меч кинула – прямо под ноги хозяину!..

– Ну вот, – говорит дровосек.

– И лес портить не надо.

Опустил голову княжеский сын... А затем, не говоря ни слова, снял с пояса трёх белок и протянул дровосеку.

– Спасибо, добрый господин, – улыбнулся лесоруб. – Дочке на шапку будет.

ДЕВЧОНКИ, КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА!

Мargarита КАЛЯКИНА,
г. Пучеж

конкурс

9 Мая

Я ПОМНЮ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Моим родителям
Анастасии Васильевне
и Александру Никаноровичу

Тот день я помню, как вчера.
В каморке нашей уютной
Уборку делала сестра,
А я играла в куклы.

И самый яркий миг один:
Сижу я у окошка,
Как в огоньках, весь бальзамин,
Герань...А рядом кошка.

И занавески с ришелье,
С мережкой покрывало.
Всё вынималось, что белей,
По праздникам, бывало.

С никелировкой кровать,
Гитара-семиструнка,
Машина „Зингер“ – мамин клад,
Два сундука в рисунках.

И медный тульский самовар –
Всё тулово в медалях.
Под потолок в колечки – пар,
Как облачные дали.

...Вдруг в двери – воздуха волна,
И мама, как в атаку,
Крича: „Закончилась война!“
Сестра сказала: „Враки“.

Уже не верилось, что вдруг
Придёт он, День Победы.
И возглас: „Гитлеру капут!“
Конец и нашим бедам!“

И словно хлынула волна,
Слова звучали клятвой:
„Победа! Кончилась война!
Фашист разбит проклятый!“

Вокруг – кто петь,
кто голосить...
Подробности угасли.
От нас ушедших воскресить
Лишь памяти подвластно.

...И миг другой встаёт в глазах,
Как двери нараспашку,
Упала мама вся в слезах,
В руках дрожит бумажка.

Стрелой пронзила весть
в строках
И боль в душе ребёнка,
В глазах и маминых руках
С дрожащей похоронкой.

Трёхлетка, поняла я тут –
Не все придут солдаты.
Друг с другом рядышком идут
И радость, и утраты.

1945 год

Сегодня вспомню День Победы,
Тот самый памятный,
тот первый,
Когда влетела мама птицей
В каморку,

что так часто снится,
И в голос крикнула она:
„Девчонки, кончилась война!“
Попробуй в памяти сотри –
Хоть мне неполных было три.

И все повсюду ликовали
(Победу фронт и тыл ковали),
Великий день трудом

отметить
Шли на субботник бабы,
дети...

Частушки пели там и тут:
„Победа! Гитлеру – капут!“
Я выбежала на крыльцо
В надежде встретиться
с отцом.

Пришла повторно похоронка –
Бумаги жёлтой треуголка.
Мы вопреки всем извещениям
Отцова ждали возвращения.
Вдруг чей-то приходил солдат –
Глазела там толпа ребят.
И нам мечталось,
что вот-вот
И к нам отец домой придёт.

Дорога в сторону Кильмези*
Влекла меня, и мысли лезли,
Что вот появится солдат,
Смогу ли я его узнать?

Со мной присядет у ручья
И спросит: „Девочка, ты чья?“
Я поведаю его домой,
Скажу всем: „Это папа мой“.

О безотцовщина войны
У героической страны!
Сквозь годы, радости и беды
Сегодня вспомню День Победы,
И тот лесной посёлок Ломик,**
И круглый радио-приёмник,
И Левитана репортаж,
Курантов бой, победный марш.

* Река Кильмезь и посёлок Ломик
** В Кировской области.

Бабье лето

Ах, как короток этот
Всполох бабьего лета!
Только осень торопит
свой срок.

Вопреки всем приметам,
Стороной обойди мой порог.

Ветер буйный полощет
Кудри рыжие рощи,
А в садах тяжелеют плоды.
И красавица ива
Наклонилась стыдливо
Над закатным румянцем воды.

Травы тихо вздыхают,
Но цветы полыхают –
Не успели пока отцвести.
Далеко до ненастья,
Звёзды падают к счастью,
То, что может ещё навестить.

Не теряю надежды,
Будет ярче, чем прежде,
Поздней радуги
вспыхнувший цвет.

Ах, как короток этот
Всполох бабьего лета,
Уходящего лета привет.

Потом был ДОЖДЬ...

Про бурундука

Листья дуба висят, как груши,
клён кудрявый, как леопард,
будто ёлочные игрушки,
под ногами грибы горят.

Будка ломится золотая –
кладовая бурундука!
Будто лебеди облетают
с неба спелые облака.

Но последняя это радость
разудалого грибника...
Я бы сам до весенних радуг
бодро с посохом, да никак.

Облака стали тяжелее,
невесомым стал Солнца луч –
он один, как герой Жюль Верна,
убежал от свинцовых туч.

Неприветливым стал и скучным
сиплый ветер, как вестовой.
Весть проспали живые души,
неспасённые, под листвой...

Брат

С.Г. Алексееву

В ноябре много славных дат;
но кленовой закваски дня –
когда с наледью листопад –
нет весомее для меня.

В этот день бодро на-гора
выдаю кубометр стихов,
окропив лоб, – я из горла
пил по-чёрному на Покров.

Я хочу из руды добыть
сто карат для товарища! –
а для нимбов другие лбы
и другие ристалища.

Стихотворного слова нить
не пряду – я дроблю гранит! –
чтобы вехи твоей судьбы
для истории сохранить.

Поздравляю, мой добрый друг!
Век свободы не заслужить –
твоей дружбы волшебный круг
позволяет мне просто жить.

А когда под моим крылом
закипит в небесах волна –
попрошу мужика с кайлом
почитать мне Есенина.

Полупьяные, мёд зари
перебрав, окаянные
отпоют меня глухари,
перепьют если ангелы.

...Всё логично, всё правильно –
от Матфея до снегурей –
что в России пра-правнука
Алексеева звать Сергей.

Жизнь

Я помню всё: приливы и отливы
утробных вод и первые слова
Планеты: «Гули-гули, милый!» –
и грозное ответное: «Уа!»

Мир был игрушечным всерьёз,
и в колыбели
всё было розовым,
как в цирке шапито!
Потом был дождь,
и снег какой-то белый,
и чёрная процессия потом.

«Ау!» – кричу, –
меня никто не слышит,
перешагнув, как будто я ничей.
Нет без любви,
нет ничего превыше –
медлительнее солнечных лучей.

Панда

Панда, чёрно-белая панда –
память, моя бедная память!
Помню ветра нежную ярость –
парус я, поверженный парус.

Для России – восторженный! –
я пророс под берёзами, –
она женщина строгая,
она баба стержовная.
Мимо отроки с посвистом –
я тропой иду с посохом.
С росами – если целиться,
в прорези –
повести мои, странные повести

с рифмами,
хулиганскими рифмами –
рифмами, океанскими рифмами:
до лагуны рукой подать –
тишина там и благодать.

Зима

Вывихнули день на час зональный –
порченный, стоит, как истукан;
под ногами корочка земная
с наледью податлива столам.

Если бы те стрелки не крутили –
тьма не прибывала бы сама!
Набело, ретиво, под копирку
люди не сходили бы с ума.

Я любовь полгода догоняю –
не могу опаздывать на час!
Я её, как целое, теряю, –
а ведь мог рассчитывать
на часть.

Зябко мне; ломаю сигарету;
гостья в середине октября
не обидит, милая! – согреет,
белые одежды тербя.

Сердцу – коновязь, а конокраду –
стылый кров тюрьмою да сума.
Впереди заветная отрада –
впереди холодная зима.

Я СЧАСТЛИВ!

Александр БАШ,
г. Благовещенск**Баллада
об ожидании**

Он уходил, а я его ждала.

Р. Мороз

Нет, он любил её. И всё ж,
когда в окне завис
однообразный нудный дождь,
он проклял эту жизнь.

Собрал какую-то еду –
свою простую снесь.
– Прости, – сказал, – но я пойду,
я не могу сидеть.

– Ступай, любимый. – И ушёл:
в дожди, за далью – даль,
за полем – лес, за лесом – дол –
лечить свою печаль.

Он брёл, забыв про все дела,
он мёрз, он бредил в зной,
он жёг костры... Она ждала
за пражей заводной...

А он всё шёл. И стыла кровь,
и вновь пылала грудь.
И униженья, и любовь –
был всем наполнен путь.

Забыв уют, забыв покой,
он брёл... Земля кругла.
Он наконец вернулся к той,
которая ждала.

Вошёл, не веря, что домой,
где не был столько лет...
– Ну вот и ты, любимый мой.
Твой ужин на столе.

У семи нянек

Семь нянечек воспитанных,
семь грузных и упитанных,
опрятных и начитанных,
медлительных спросонку
достались как-то милому,
настырному, шумливому,
вертлявому, визгливому,
смешному поросёнку.

Все силы и внимание
к вопросам воспитания,
культуры и питания
семь нянек прилагали,
но поросёнок взвизгивал,
вертелся и попискивал,
и шуточки подыскивал,
когда его ругали.
И в этой вот компании
при перевоспитании
и всяческом внимании
уже к концу декады
семь нянек стали милыми,
веселыми, шумливыми
и даже чуть визгливыми,
чему ужасно рады.

Двое**А. Афанасьевой**

Друг другу ничего не обещали,
легко шутили и легко прощали.
И лёгкий треп –
о чувстве без названия –
казалось, не обязывал
к признаньям.

А между тем на краешке земли
две скрипки две мелодии вели.
Два голоса – сближаясь,
расходясь –
сплетались
в удивительную вязь.

А мы, мы не играли, а текли,
куда два русла две реки влекли.
Но слиться вместе –
к счастью ли, к беде? –
отвесных скал мешал
водораздел.

Две скрипки, два смычка,
два скрипача ль
сплавляли две мелодии в печаль.

А мы с тобой не ведали печали.
Не чувствуя полжизни
за плечами,
мы не желали ничего желать:
быть может, жизни
рядом проживать?

Но те полжизни,
что промчали ране,
мешали балансировать
на грани.

И потому, сойдясь до полутона,
смычки втянулись в жалобы
и стоны.
Секунда длилась вечность,
без преград.
Мир позабыл, какой из звуков –
лад,
где тоника, который будет
вводным?

...И мы с тобой в падении
свободном
уже летим – ревущий водопад!
И вместе мы.
И больше нет преград.

* * *

Н. Лапчинской

Всё утро звенела синица.
Я счастлив!.. что небо в огне,
что лыс, что с рассветом
не спится,
что странное бродит во мне.

Я рад, что намешано много
в душе и надежд, и тревог.
Я рад, что, не веруя в Бога,
я веру ту всё же сберёг;

что истину в сердце лелеял,
не ведая, в чём же она...
И что-то нетленное тлеет
во мне на рассвете без сна.

И что-то дремучее дремлет
языческой силой в крови,
как будто и небо, и землю
я чую, как радость любви.

И чудо в гортани теснится,
и жизнь – и проста и полна...
Всё утро звенела синица.
Все утра звенела б она.

Нас позовут

Александра ЗОЛОТАРЬ,
г. Щелково,
Московская область

Ты меня не рожал

Е.А.

Ты меня не рожал,
не учил, не взбивал подушки,
Не читал мне стихов,
не готовил мне вкусный ужин,
Никогда не водил в кино,
не дарил игрушки...
Я сама не пойму –
для чего ты тогда мне нужен?..
Этот город забит до отказа
людьми чужими,
Да и месяц сегодня на редкость
не в форме круга...
Я сегодня хочу,
чтобы звезды меня кружили,
А они не хотят и упорно кружат
друг друга...
В серой папке обрывки
строк и куски нетленки,
И апрель предлагает,
что хочешь в ущерб азоту...
У меня от этого солнца
спеклись коленки,
Только это, похоже,
сугубо моя забота...
Ну и черт бы побрал
это грустно-чужое лето,
Этот серый асфальт,
запеченный под кляром крыши!
Я сегодня решила задачу,
списав ответы,
Но списала не там,
и ответ непонятный вышел...

За зеленой чертой

За зеленой чертой, где большие
считаются взрослыми,
Где глаза закрываются раньше,
чем входишь в кондицию,
Я гребу за двоих, и ладони
сливаются с веслами,
Нарушая теории сна
и любые традиции...

Если что-то не так,
то всегда закрадется сомнение,
Что причина одна: в том,
что кто-то сегодня
не рядом был...

Нарисуй мне барашка
и смело иди в направлении,
Про которое скажут,
что там не стреляют,
а надо бы...

И опять этот сон,
непонятный и жутко
раскрашенный,
Как закрытая дверь,
открывает чужие истории.
Если ты не боишься,
то спи и про маму
не спрашивай...
Эта ночь, как и та,
не нарушит твоей
траектории...

Здесь опять про меня,
но сегодня словами неверными,
Но опять ничего не исправлю.
Не стану. Не хочется.
Где багровый закат, не спеша,
проползал над тавернами,
Я вчера поняла глубину
моего одиночества...

Я сегодня люблю непогоду

Все сначала. Не надо. Не верю.
Темнота замечает следы.
Это грустный рассказ о потере,
Растворенной в стакане воды...

Я сегодня люблю непогоду,
Грустный ветер –
не мой и не ваш,
И лицо подставляю под воду,
Размывая к чертям макияж...

Как цветы превращают
в гербарий,
Так и верх превращается в низ,
Этот глупый и скучный
сценарий
Я ходила читать на карниз.

Я вчера попрощалась с азартом
И от жизни забыла пароль.
Просто мне ни сегодня,
ни завтра
Не нужна эта главная роль...

Как девочка

Когда-нибудь
опять наступит май,
А может быть,
и что-то вроде лета.
Как хочешь, так меня и понимай,
Я девочка без карты и билета...

Мы снова упираемся, но ждем,
Когда опять наладится погода,
А я умею плакать под дождем,
Как девочка без имени и рода...

И, кажется, я больше не боюсь
Расплакаться под глупые улыбки,
А ты не обижайся и не трусь:
Я девочка,
простившая ошибки...

А после будет долгая весна,
Которую я встречу безоружной,
Как девочка из маминого сна,
Где я себя
почувствовала нужной...

Нас позовут

Нас позовут, мой друг,
не сомневайся.

Мы скоро станем
абсолютно новыми...

А ты пока вставай и одевайся:
Нас позовут,

и надо быть готовыми...

Нас позовут оттуда,
где светло,

Где звезды с облаками
обнимаются,

Где, даже если снега намело,
Ходить без глупых шапок

разрешается...

Нас позовут туда, где поутру
Заря встает без помощи

будильника,
Куда и с плоскостопием берут

И где не выключают звук
мобильника...

.....
Нас позовут без слов

и необутыми
Туда, где нет различий

в поколениях,
А мы, как почта,

все поперепутаем
И разоидемся в разных

направлениях...

БЕЗМОЛВИЕ

Симон СЛУЦКИН,
г. Цфат, Израиль**Впечатление
от голландских
художников**

Там, где весёлая зима
сковала льдом пруды, заливы,
там, где уснувшие проливы,
там, где озябшие дома.

Там, где застывший снегопад
окошки узкие завесил,
там, где Вермеер время взвесил,
где угли лёгкие горят.

Там, где строптивая метель
заносит санные дороги,
там, где накатан склон пологий,
там, где каток, коньков свирель.

Там, где голландский гололёд
гирляндами украсил шхуны,
там, где пустынные лагуны, –
я не бывал, но пил тот мёд.

Холодный дым и ровный лёд.

КИНЕМАТОГРАФ

Посвящается Н. ГУМИЛЁВУ

Царскосельская ясная осень,
я читаю твои имена!
Скрипка ветра в мелодии сосен
мне напомнит роаяль в синема.

И ныряет в чердак голубиный
чёрно-белое солнце вины:
под ногами созвездья рябины
множит призрак
гражданской войны.

Воспалённые бронхи вокзала
никотиновый cedят дымок.
Крупный план: героиня. Начало.
Крик беззвучный, такой же гудок.

Остывает базарная площадь,
где меняют фарфор на крупу.
Матерится на лошадь извозчик,
и матросы уходят во тьму.

Нежеланные гости под утро,
от слезы холодеет щека.
Пустота, и героя как будто
нет... Пробел... Тчк... Тчк.

И – финал.

Приговор перед строем
бородатых, озлобленных лиц,
и когда убивают героя,
видит зал улетающих птиц.

Умная прогулка

Андрею Симонову

Мы проходим круг за кругом
по граниту, вдоль причалов.
Архимедова наука –
числить Пи и жить сначала.

В уравнение мудрой Мойки
нас выводит двор знакомый.
Дробь: числитель –

город бойкий,
знаменатель – воздух комнат.
Результат не Целых Чисел
на бумаге птичьей стаей
и ворочаюсь: не спится,
если рифмы подступают.

И плывет в каналах Питер.
И резвятся дети в жмурки,
И не рвутся с прошлым нити,
что сплелись на переулках.

С тонкой ветки лист,
сорвавшись,
отлетает мерить бездну,
в землю мыслью не упавший,
шепчет ветру: «Не исчезну».

И разносит странник ветер
аксиому пятикнижья*
в каждом шаге по планете,
по граниту, в вечном ближнем.

* **Пятикнижье** – 5 книг Моисея,
Тора. Аксиому пятикнижья – доказа-
тельство существования Бога.

* **Целых Чисел** – математическое
понятие. Число без запятой. Напри-
мер: 0, 1, 2 и т.д.

* * *

Я от заступничества мест,
знакомых прежде,
словно спятил.

На камне – веток мокрый крест
и поволока тёмных пятен.

Из прошлой жизни голоса
всплывают в сумраке фонарном,
и лужа – чёрная слеза
лакает небо, и туманом

прикрыт за кладбищем овраг.
Египта кошка-ночь крадётся,
и тощий жаворонок-страх
не спит, не спал и не проснётся.

Безмолвие

Последний Ангел –
Смерть стоит у изголовья.
Безмолвие, как меч,
сразило плоть и дух.
Но жив ещё поэт,
вонзает рифмы-копья,
и кровь стиха кипит,
и мир объемлет звук.

Нагрянет страшный час
прощания и горя:
безмолвие за ним,
ни смеха и ни слёз.
Но жив ещё поэт,
ликует песня-море,
и пенится волна,
бросаясь на утёс.

Молчание – обрыв,
там тишина за гробом,
но жив ещё поэт
и бьётся слово-пульс.
– О, не молчи, побудь,
проснись прозрачным словом,
не оставляй одну,
я тишины боюсь.

Признаёшься себе...

Олег ГОРШКОВ,
г. Ярославль

Окраинные люди

Вечереющий в тоске
свет окраинный, щербатый –
залипающее в дымке
время тянется в закат...
Здесь пырей с пастушьей сумкой
лезут прямо из брусчатки,
и окраинные люди
небо близкое коптят –
починяют вечерами палисадник,
примус, бредень,
разговор за жизнь неспешный
величаво говорят...
Тишины тугие рыбы
в соснах плавают и бредят
об удильщиках прекрасных
под отмашки звонаря.
Прохудившиеся лодки
сновиденьям в такт качают
пристань, ряску, леску, небо,
утонувшее в реке.
И окраинные люди
ожидают Бога к чаю
каждый вечер – Он гостит здесь,
не замеченный никем...

Ветреное

Евгению Коновалову

Ты в сумерках вязнешь,
но всё же идёшь туда,
где небо, почти обмелев,
пропадёт в человеке,
становишься воздухом,
запахом книг, аптеки,
настоек, что пьются по осени,
как вода –
глоток, и не вспомнишь,
чем принято жить, какой
слепой часовщик шестерню
оголтело вертит?
Ты просто живёшь
и бредишь одной строкой,
всегда ускользающей,
снова швырнув на ветер
связку невнятных,
гортань пережёгших слов,
и что тебе до незрячих
часовщиков?

То бесом борей закружит,
то рухнет ниц,
чужим притворившись,
на плутни и прятки падким,
но ты узнаёшь его снова
по отпечаткам,
носимых им веток,
вселенных, песчинок, птиц.
Вы, кажется, накрепко связаны –
ты и он –
какой-то одной
по-младенчески глупой верой,
и ветер смеётся,
сдирая с шипящих крон
иссохшую кожу
испуганных насмерть скверов.
И как же тебе нестерпимо легко
и тесно
на зябком ветру
в хламиде своей телесной.

Пристань

Ни шороха – что пустынь,
эта пристань,
где рыб и водомерок речь слышна,
где, как в забытой
лавке букиниста,
старинная ютится тишина,
кружимая вразнос листвою
обвальной,
осыпавшей фигурки рыбаков,
здесь время не течёт ни вспять,
ни вдаль, но
пьет свет и тень
вдоль сонных берегов.
И разом провалившись
в тихий омут,
куда любым чертям заказан вход,
жизнь сызнова листаешь,
по-другому
дышать и верить пробуя, и вот,
вчитавшись в опрокинутое
облако,
вдруг обретаешь в шелесте воды
предчувствие не то чтоб
эпилога,
скорей, чего-то вместо... Наводи,
не медли, линзу осени прозрачной
туда, где безрассудней и больней

сплелись в тебе, сцепились,
правду пряча,
глаголы закорючками стеблей,
солёной лебедой,
травую сорной...
Не прячь их, и не прячься сам
от слов.
Всё призрачней окрест,
всё иллюзорней
вода, листва, фигурки рыбаков...

Перечитывая Мандельштама

И в наказанье за гордыню,
неисправимый звуколюб...
О. Мандельштам
Не щадит,
вещим щебетом горбит
оловянной зимы соловей –
ты вернулся
в свой призрачный город,
он засел у тебя в голове
изнуряющей певчей двойчаткой,
парной флейтой,
зовущей взмахом,
и неведомый навык впечатан
в лёгком холоде
схваченный лоб.
Будь неладна же эта наука,
но в строке размывается явь,
снова плавится олово звуков,
и по топкому времени впласть
ты уходил с позорной галеры –
дальше, больше, в неведение,
вглубь –
звукотряд, звуколов,
легковерный,
одураченный тьмой звуколюб.
И спасёшься ли тем,
что бормочешь
сам себе и зиме наизусть
неизбывные зябкие строчки?
Даже если и нет, ну и пусть –
ты вернулся,
ты празднуешь встречу,
только всё нестерпимей горчат
междустрочия тающей речи,
не вмещаемые в звукотряд...

Огни рябиновые спят

Евгения КОСТЮКОВА,
п. Опорный
Ростовской области

Вариации на тему Апокалипсиса

-1-

Человек — мост, а не цель.
Ф. Ницше

Священный мост сражается
за Лик.
Бутоны звёзд распустятся
едва ли,
и палевые птицы градом пали
в ладони пламенеющей земли,
которой шелестеть бы
да шептать,
но слышится шипение шаманов.
Наследный Царь пучины Иордана
закроет-запечатает врата.

-2-

Путь колесницы – дракон дорог.
Жив погребальный мир.
Длится, струится, искрится бог
льдами астральными.
Воду бессмертия жадно пьёт
нежить из вышних рук.
Где же, Георгий, твоё копьё?
Жалит первичный звук.
Круг замыкается на себе,
нет, на себя. Устав,
кружатся-каются в ноябре
листья. А дрёма трав
тоже могла бы украсить хор,
но до костра – молчит.
На указательном пальце Петр
крутит, смеясь, ключи.
Рукопись нового царства стуж
пишет хмельной Эвклид.
Рана, с названием "пепел душ",
видимо, не болит.

Бредовое

Жадность скользящих
полутонов
и безразличия(?) злая новь.
Змеи-деревья ужалят твердь –
новопреставленная теперь
выплеснет свой ядовитый дождь
в знойную почву.
Не обретёшь светлую память.

Сознание – скит.
Круговорот нелюбви-тоски.
Жар сожаления.
Ломкий шаг.
Всё.
Отпускает моя душа
с каждой
таблеткой
земной
шар,
словно воздушный.
Зачем дышать?

Система

Время трёхликой Гекаты
и полуночных стрекоз.
Ножницы-клювы пернатых
жаждут рябиновых слёз.
Ищет пристанище разум.
Жертву предчувствует крест.
По изумруду алмазом
тайные знания небес.
Преображают фонемы
несовершенный язык.
Станет ли новой системой
тьма, захватившая б-лик?

От первого лица

"разбилось зеркало
на тысячи миров
на тысячи пространств
и одиночеств".

М. Гофайзен

на ломких иероглифах ветвей
цветут до срока вспышки
снегирей
и в каждой новизне первооснова
апокрифы дорог вплетаеть
в зимы
невыносимо быть невыносимо
осколком Слова

На перекрёстке

душ...

Найди меня до сумеречных врат,
до злого сокрушительного ливня,
пока огни рябиновые спят,
пока желанье сделать шаг –
невинно.

Найди меня, пока дорога в ад
ещё мерцает криптограммой
света
и опадают, как листва, слова,
к подножию стального
монумента.

Найди меня! На перекрёстке душ,
которым нет прощенья
и забвенья,
я буду гладить неба
мягкий плюш,
дыша надеждой нового рожденья.

Цикады

-1-

Снова свободен взгляд
мерю расставаний.
Бабочка бытия
да на Господний пламень.
Всё, что не опалить, можно –
мы опалили.
Сколько фонем любви
в сумрачном слове «были»?
На пепелище лет,
на перекрёстке ветра
ищет кристалл в себе
новые грани света –
тщетно. За квантом квант
люди теряют Бога.
Вещный закон цикад –
боль стрекотать до срока.

-2-

«Спиралевидный змей
или упругий круг?» –
шепчет зима земле.
Будущность точка ру,
переведи мой страх,
словно часы. Зову?
Нет. За чертою рта
мы – немота, там – звук.
Мы – слепота, там – свет,
одноимённый мрак.
В мыслях (которых нет?!)
только круги «вчера».

Воспоминания ЖИВЫЕ

Вера КАРАМАН,
г. Владивосток

Фламандская ночь

Далеко, далеко – голоса,
звук шагов, лай собаки...
Дивный, поджарый
фламандского мастера пёс.
И парки, и замки, и башенки
тонут во мраке,
И ветер с залива
тревогу и влагу принёс.

– Что за охота за дичью
на ночь-то глядя тащиться?!
Огонь разведу, занавесив окно...
– Не трещи!
– Я рыбу поджарю, –
опять возразит зеленщица.
– Я рыбу не буду! –
в ответ возразит зеленщик.

И сотоварищи – в ночь
с улюлюканьем, гиканьем,
свистом.

Вот и лесок.
Затаились охотники, ждут.
И мой грубиян
(ах, теперь ему, верно,
за триста)

Увидит под утро
поверх куропатки звезду.

Увидит и вспомнит,
как мы до утра пировали
с надкушенной грушей,
с бокалом вина на двоих.
Увидит и вспомнит...
Вот только заплачет едва ли...
Ведь что им, охотникам?
Слёзы про нас, не про них...

Да что это я? Всего-то,
всего-то собака в проулке
всё лает и лает
и спать никому не даёт...
Летит куропатка
и крыльями хлопает гулко,
как время, летит и летит...
Ни назад, ни вперед...

Холодная ночь
над приютом моим
распласталась.
Удачи тебе, мой охотник,
тебе, мой рыбак.

Навеки люблю
сквозь печали, разлуки,
усталость.

Навеки люби
ни за что ни про что,
просто так.

– Ты вернулся с добычей!
И порция рыбы осталась! –
зеленщица сияет,
как стёртый фламандский
пятак.

Утро июльское солнцем умыто,
Утро сулит вдохновенье.
Окна распахнуты,
сердце открыто
В щёлканье, щебет, цветенье,
В запахах черёмухи...

Белкой проворною
Светлое утро вращаю.
Завтрак готов
и семейство накормлено...
Полдень теплынь обещает...

Плещется в небе легко,
беззаботно
Облако белой простынкой.
Льётся, струится,
клубится субботник,
Зреет мотив под сурдинку.

Лето. Август. Поздний час.
Звёзды светят. Что в них проку?
Грустно мне и одиноко,
Потому что нету Вас.

Звёздный омут так глубок,
Звёздный омут тих и мрачен,
Час, что был вчера назначен,
До минуточки истёк.

Звёзды светят среди мглы.
Так светло, что под ногами,
Так темно, что под глазами
Тени чёрные легли.

Лето. Август. Ранний час.
И заря – полоской тонкой...
И грешно бродить без толку,
Сочиню стихи для Вас.

Отзвенели мои соловьи,
Отгорели жасмины и розы,
И слетел на ладони мои
Первый лист
пожелтевшей берёзы.
И его в неоглядную даль
Ветер тёплый сентябрьский
уносит...

Лето кончилось.
Всё ж не печаль –
Впереди ещё целая осень.

До времени упрятаны в душе
Мои воспоминания живые
О том, как ветер стонет
в камыше,
О том, как травы пахнут луговые

И стелются степные ковылы,
Когда над ними кони пролетают,
Им освещая путь из-под земли
Восходит солнца грива золотая...

Мы заняты старинною игрой –
День на исходе,
в предвечернем свете
Река... Туман...
Ты всё летишь за мной
Через луга, туманы и столетья.

Не оглянусь.
Пусть длится этот бег,
Весёлая, беспечная погоня.
За ночью ночь, за веком век,
вдоль рек...
Передохнуть, воды испить...
По коням.

Ковыль под ними стелется опять,
И сладко пахнут травы луговые,
И спрятались,
попробуй-ка сыскать,
От юных звёзд дорожки голубые.

Тьма жаркая, густая,
как твой взгляд.
Скрипит камыш,
мне в клочья рвёт сорочку.
Сдержу коня, как сотни лет назад,
И ты меня нагонишь
через строчку.

ТОЛЬКО ДО 31 НОЯБРЯ!

Льготная подписка на наше издание

Подписка-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: **692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

1 месяц — 55 рублей,
2 месяца — 90 рублей,
3 месяца — 125 рублей,

**6 месяцев — 220 рублей,
1 год — 430 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.

По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ** «Литературного меридиана»

Пластиковая карта

№ 4276 8500 9681 2919

в арсеньевском ОСБ № 7718/7718

Получатель –

**Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.**

Книжная полка

**РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА» ПРЕДЛАГАЕТ
ПРИБРЕСТИ КНИГИ:**

КОСТЫЛЕВ Владимир. *Два кофейных зёрнышка.* Сборник коротких рассказов. Арсеньев, 2009 г., изд-во «Литературный меридиан». 120 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Свобода выбора.* Верлибры. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2009 г., 92 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Вишнёвая косточка.* Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 168 страниц. Цена 80 рублей (с учетом пересылки – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Разговор на языке души* (переводы Эмили Дикинсон). Стихи. Владивосток, изд-во «Народная книга». 2004 г., 148 страниц. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. *Шестая стихия* (переводы Сайто Санэмори). Избранные хайку. Владивосток, изд-во «ORIENT». 2007 г., 84 страницы. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

Указанная сумма перечисляется почтовым переводом на имя главного редактора «Литературного меридиана» Костылева Владимира Александровича по адресу издания с обязательным указанием цели платежа.

**! СРЕДСТВА, ВЫРУЧЕННЫЕ ОТ ПРОДАЖИ КНИГ, ИСПОЛЗУЮТСЯ
НА РАЗВИТИЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА».**

© **Литературный
меридиан**

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск,
тел. 8 924-206-04-76.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 500 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 сентября в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.